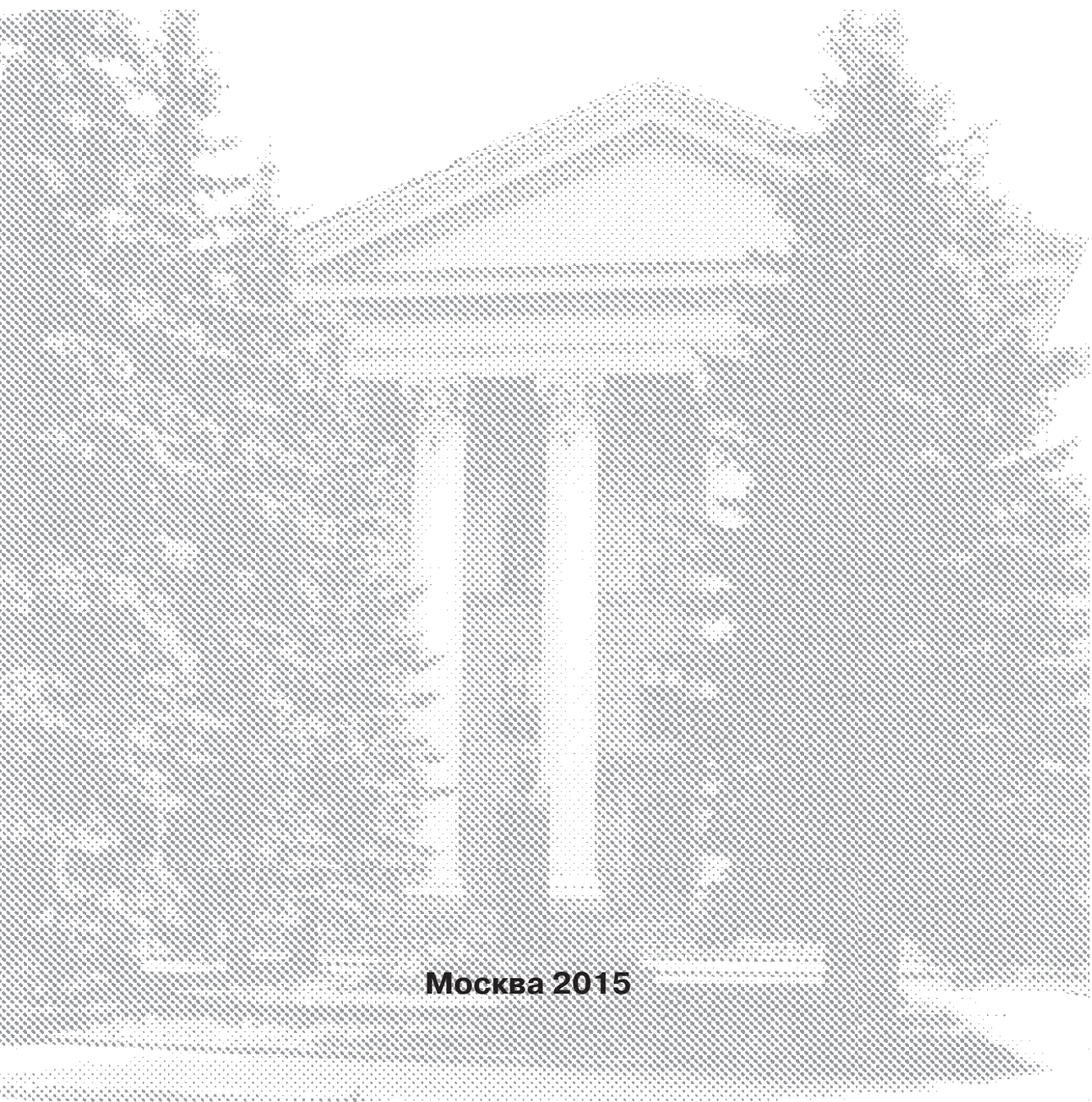

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФИЗИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. П.Н. ЛЕБЕДЕВА

Михаил РОМОДАНОВ

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Москва 2015

Российская академия наук
Физический институт им. П.Н. Лебедева

Михаил РОМОДАНОВ
ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Москва 2015

Михаил Ромоданов

Военные рассказы

Подготовка к изданию В.А. Исаков, П.Д. Березин, И.А. Хлебникова

СОДЕРЖАНИЕ

МАСТЕР И СТАРШИНА.....5

ТРЕТИЙ ОРДЕН23

ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ.....39

ОДИН ВЫСТРЕЛ.....51

© ФИАН
© Н.Н. Сущинская
© Е.М. Сущинская

Михаил Ромоданов — литературный псевдоним одного из ведущих ученых Физического института им. П.Н. Лебедева **Михаила Михайловича Сущинского**. Всю войну Михаил Михайлович прослужил в артиллерии в боевых частях в составе Калининского и Второго Прибалтийского фронтов. Награжден орденом «Красной звезды» и медалью «За победу над Германией».

Записанных воспоминаний в прямом смысле этого слова о войне М.М. Сущинский не оставил, да практически и не рассказывал о своей фронтовой жизни даже при общении с ближайшими сотрудниками. Впечатления о войне вылились в написанные им рассказы, четыре из которых представлены в настоящем сборнике. Рассказы подготовлены к печати и подписаны Михаилом Михайловичем, но ранее нигде не публиковались. Впервые отрывок одного из рассказов («Третий орден») был предоставлен им в стенгазету Оптической лаборатории ФИАН к 40-летию Победы, что явилось сенсацией для сотрудников, проработавших с ним долгие годы.

Сущинский Михаил Михайлович (1912–2001), заслуженный деятель науки, доктор физико-математических наук, профессор, крупнейший специалист в области физической оптики, молекулярной спектроскопии, нелинейной оптики. Научную работу начал перед войной в аспирантуре под руководством академика Г.С. Ландсберга. После Победы вернулся в ФИАН. В 1965–1983 гг. — заведующий Оптической лабораторией Института, в течение длительного времени — заведующий Кафедрой общей физики Московского института тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова.

Работы М.М. Сущинского по комбинационному рассеянию света внесли общепризнанный вклад в развитие этого направления. Среди полученных результатов следует отметить открытие новых квазичастиц в кристаллах — колебательных биекситонов, обнаружение нового эффекта — поляритонного резонанса Ферми, исследование поведения «мягких мод».

М.М. Сущинский одним из первых начал исследования в области нелинейной оптики. Под его руководством были выполнены работы, в которых впервые наблюдалось и было подробно исследовано вынужденное комбинационное рассеяние света в дисперсных средах, детально исследованы процессы перехода спонтанного комбинационного рассеяния света в вынужденное, законы формирования вынужденного комбинационного рассеяния в конденсированной фазе вещества, его энергетические, временные, пространственные и спектральные характеристики.

В течение многих лет М. М. Сущинский являлся членом Научных советов РАН по проблемам «Спектроскопия атомов и молекул» и «Когерентная и нелинейная оптика», заместителем главного редактора одного из основных физических журналов — «Журнала экспериментальной и теоретической физики». В 1969 г. была издана монография М.М. Сущинского «Спектры комбинационного рассеяния молекул и кристаллов», пользующаяся большой популярностью как в России, так и за рубежом.

МАСТЕР И СТАРШИНА

Старшина Балашов любил споры на отвлеченные темы.

– Как вы полагаете, товарищ лейтенант, что для солдата важнее: голова или ноги? – спросил он как-то меня.

Вопрос показался мне заслуживающим самого серьезного внимания, и я долго думал перед тем, как на него ответить.

– Наверно, голова все же важнее, – сказал я нерешительно. – Если солдат не будет думать, то ноги заведут его туда, где он погибнуть может. А выполнить приказ командира, не продумав и не прочувствовав его, в сложных боевых условиях вообще затруднительно.

Последнему аргументу я придавал особое значение, зная старшину Балашова, как завязатого службиста, неукоснительно требовательного к себе самому и к своим подчиненным в отношении выполнения уставных требований.

– Думать, конечно, нужно, – согласился старшина. – Но мой вопрос о другом. Если, скажем, солдат ранен в голову – перебинтуют его и он снова в строю. А что он будет делать с раненой ногой?

Мы лежали на свежем сене, покрытом плащ-палаткой, в маленьком шалаше из еловых веток. Наш дивизион после продолжительных боев был отведен в тыл для отдыха и пополнения. Жаркий августовский день подходил к концу. Впереди было еще две недели отдыха. Обстановка была самая подходящая для серьезных разговоров.

– Вот мне осенью сорок первого года пришлось драпать от немцев, – продолжал старшина. – В день приходилось делать по шестьдесят-семьдесят километров. Если бы не крепкие ноги – не удалось бы выйти из окружения.

Старшина приподнялся на локте и с удовлетворением посмотрел на свои длинные ноги в коротких сапогах из тонкой кожи. Его узкое сухощавое лицо с сильно вытянутым крючковатым носом и очень светлыми хитрыми глазками озаорила торжествующая улыбка.

– А вот я вам расскажу еще один случай из собственной боевой автобиографии, – добавил старшина, явно желая закрепить победу в споре. – Вызывает меня командир дивизиона и приказывает: «иди, старшина Балашов, на наблюдательный пункт командира второй батареи капитана Калашникова и передай ему, чтобы он немедленно устанавливал связь со мной!» – А где этот наблюдательный пункт – никто не знает. Наши части залегли по одну сторону от шоссе, по другую сторону – немцы. Пулеметы строчат, мины рвутся как бешеные, прямо безобразие, а не обстановка. И вот ноги ведут меня через поле неизвестно куда. Вижу, впереди окопчик. Мина рядом упала, шипит проклятая! Я в этот окопчик еле успел нырнуть, она как тарарахнет. Смотрю, а в окопчике капитан Калашников. Прямо к нему ноги и привели. Обругал он меня, конечно, что я его НП демаскирую. А я что – я приказ выполнял!

Приведенный старинной эпизод из его «боевой автобиографии» наглядно показывал преимущество ног над головой и я не смог ничего противопоставить этой

точке зрения. Старшина торжествовал! Меня выручил из затруднительного положения приход связного, который передал распоряжение командира батареи явиться к его палатке для приема пополнения.

Когда мы подошли к палатке, командир батареи капитан Сорокин уже поджидал нас. Это был невысокий худощавый, очень подвижный кадровый офицер. До войны он служил в кавалерии и вынес из этой службы, кроме кривых ног и прекрасных темных усов, определенную систему взглядов на мир вообще и взаимоотношения с начальством и подчиненными, в частности. Ко мне он относился настороженно, считая инородным телом в армии, поскольку я получил офицерское звание во время учебы в университете. Однако он ценил меня за умение вести артиллерийский огонь с закрытых позиций, в чем он сам не был силен, и мы с ним неплохо уживались.

Все вместе мы отправились на полянку среди низкорослого леса, где выстроились прибывшие для пополнения нашей батареи бойцы. Старший по группе сержант Шишаков отапортовал командиру батареи о прибытии группы в его распоряжение, и мы медленно прошли вдоль шеренги. Вновь прибывших оказалось человек пятнадцать. Трое из них, в том числе Шишаков, уже участвовали в боях, были ранены и прибыли к нам из госпиталя. Остальные делились на две резко отличавшиеся группы. Большинство составляли молодые парни, которым только-только подошел призывной возраст. Коротко остриженные, худые, с длинными шеями, растерянные и беспомощные они были похожи на выводок цыплят, лишившихся своей наседки. – «До первого боя», – подумал я с грустью. Остальные несколько призывников принадлежали к старшему поколению. Им было под сорок лет, и они могли бы быть отцами молодых новобранцев. Одета вся эта команда была в старые, многократно стиранные, заштопанные брюки и гимнастерки. На ногах красовались столь же старые армейские ботинки и неумело закрепленные обмотки. Один из пожилых новобранцев был босой. Из коротких брюк торчали огромные ноги. – «С такими ногами человек мог бы быть и великаном», – подумал я. Однако их обладатель имел обычный – не чрезмерно высокий рост, хотя и довольно-таки массивное телосложение. Меня поразило выражение отрешенности от всего происходящего на его очень темном, плотном, скуластом лице. Может быть, до его сознания еще не дошло, что он попал в боевую часть, где ему предстоит жизнь, полная тяжелого и опасного воинского труда? Я встречался не раз с таким странным на первый взгляд явлением: люди, вовлеченные в боевые действия, мысленно остаются продолжительное время в кругу привычных им по предшествующей жизни забот и интересов. Все окружающее кажется им нереальным, каким-то странным сном.

– Вот это фигура! – произнес капитан, критически рассматривая необычного новобранца.

– О чем думали папа и мама, выпуская в свет дитя с такими лапами? – услужливо поддакнул старшина.

– Если нога у солдата превышает сорок пятый размер, то это становится источником осложнений не только для него самого, но и для всего подразделения, – назидательно продолжал командир батареи. В первую очередь страдает старшина, который должен обеспечить такого солдата обувью по форме, – командир батареи устремил свой взор и вытянутый палец правой руки в направлении Ордена Славы на

груди старшины, который был на голову выше своего начальника. – А где в условиях фронтовой жизни найти материал для сапог и сапожника?

– У меня есть некоторая идея, где найти кожу, – хитро улыбаясь заявил старшина. – Не пройдет и трех дней, как эти ноги будут обуты в крепкие сапоги.

– Ну что же, действуй, но в пределах устава, – согласился капитан Сорокин. Он верил в способность своего старшины «доставать», как фокусник из рукава, самые дефицитные предметы.

Началась перекличка. Когда очередь дошла до босоногого бойца, то оказалось, что зовут его Федором Васильевичем Коротковым. После переклички мы втроем принялись за расспросы бойцов об их жизни до армии, работе и наклонностях, стараясь назначить каждого на должность, наиболее соответствующую его способностям. Коротков оказался музыкальным мастером.

– Балалайки делали? – иронически осведомился старшина.

– Мандолины, домбры, а в основном гитары, – ответил Коротков хладнокровно. Однако лицо его помрачнело: видно, легкомысленная шутка старшины глубоко уязвила его самолюбие, затронув что-то для него очень важное.

– У него и с собой гитара собственного производства, – заметил сержант Щишаков.

– Гитара – это неплохо, – неожиданно одобрительно заявил капитан. – А петь умеешь?

– Под гитару пою немного, голос у меня слабоват. Зато смогу аккомпанировать каждому по его вкусу.

– Что же мне с тобой делать? – задумчиво произнес капитан. – А лошадей не боишься? – лукаво спросил он.

– К лошадям я привычен, – усмехнулся Коротков. – В молодости несколько лет работал конюхом в колхозе.

– Вот и прекрасно! Назначаю его ездовым первого орудия, – приказал капитан, обращаясь к старшине. – Наши лошади музыку любят, – добавил он с загадочной улыбкой.

Назначение на столь высокий и ответственный пост никому не известного бойца, по-видимому, неприятно поразило старшину Балашова. Он изменился в лице и несмотря на всю свою дисциплинированность не смог удержать негодующего хмыканья, на которое к счастью капитан не обратил внимания. Нужно сказать, что лошади были большим местом батареи. Как известно, в батарее с конной тягой на каждое орудие положено иметь шестерку лошадей. У нас их было в среднем по три. В первом орудии упряжка состояла всего из двух коней – но зато каких коней! Звали их Король и Ласточка и они вполне оправдывали свои имена, мощным телосложением и силой завораживая всех истинных ценителей артиллерийских тяжеловозов. Серая в яблоках Ласточка отличалась спокойным нравом. Со свойственной ее полу ветренностью она благосклонно принимала знаки внимания многочисленных поклонников ее красоты, не гнушаясь подачками в виде кусочков хлеба с солью, и только слегка шевелила ушами при фамильярном похлопывании ее по крупу, которому могла бы позавидовать слониха средней величины. Король был столь же великолепный темно-гнедой конь с очень умными глазами. Он, казалось, был вполне разумным существом, прекрасно разбирался в сложной обстановке и не раз своей силой и находчивостью

выручал батарею в трудную минуту. В противоположность Ласточке он не любил, чтобы его трогали посторонние, и умел так грозно повернуть голову и ощериться, показывая крупные желтые зубы, что у смельчаков пропадала охота поддерживать с ним отношения на короткой ноге. К приставленным к нему ездовым Король относился снисходительно, но требовал от них строгого выполнения распорядка дня, реагируя нетерпеливыми ударами копытом по земле на всякое нарушение режима.

И вот, краса и гордость батареи были вверены какому-то музыкальному мастеру, который мог оказаться никудышным ездовым, хотя и умел как будто бы делать гитары. Я вполне понимал и отчасти разделял смятенные чувства, охватившие старшину.

Обещая командиру батареи обути нового ездового в крупнокалиберные сапоги, старшина не ставил перед собой непосильную задачу. Он обладал не только идеей о том, как достать кожу для этих сапог, но и самой кожей. Как всякий хороший хозяйственник старшина Балашов всегда имел тайные запасы нужных вещей и материалов. Однако он не любил хвастаться этими запасами, предпочитая в гордом одиночестве наслаждаться сознанием обладания своими сокровищами. Как было обещано, через три дня огромные добротные сапоги были готовы и Коротков, как и все прочие новоприбывшие бойцы, был одет и обут в полном соответствии с фронтовой модой того времени.

Я предполагал, что промытарствовав несколько месяцев без обуви Коротков преисполнится благодарности к старшине, преподнесшему ему столь щедрый подарок. Но мои ожидания не оправдались: никаких изъяснений благодарности не последовало. Обычно человек, сделавший более или менее случайно что-либо хорошее для другого человека, преисполняется симпатией к последнему. Подчиняясь этому закону, старшина готов был простить благодетельствованному им Короткову назначение на пост ездового первого орудия и даже завязать с ним дружеские отношения. Черная неблагодарность нового ездового грозила испортить все дело и я решил вмешаться и по возможности исправить положение.

Как-то утром я отправился на коновязь, где в это время происходила чистка лошадей. Остановившись возле Короткова, я наблюдал, как он с мрачным видом чистит Короля. Действовал он старательно, но неумело и Король часто сердито закладывал уши и даже скреб копытом передней ноги землю. Как дисциплинированный боевой конь изъяслять свое недовольство другими телодвижениями он считал неуместным. Я показал Короткову приемы чистки лошади и под моим руководством дело пошло заметно лучше. Король успокоился, Коротков также повеселел.

– Вот сразу видно человека с образованием – не даром университет кончали, – фамильярно обратился он ко мне, – Показали спокойно и толково как и что надо делать. А то старшина пришел, накричал на меня, обозвал медведем. Я понимаю, что хороший ездовой из меня не скоро получится, но ведь учить надо! Кричать всякий может.

– Когда вы работали музыкальным мастером, наверно вашим ученикам от вас тоже изрядно попадало?

– Случалось всякое. – Коротков задумчиво потер левой рукой подбородок. – И мне также попадало, когда я учился. Образование то у меня небольшое – семь классов. Сам то я из Горьковской области, места у нас бедные. Вот и подался я в маленький городок Судогду – может, вы и не слышали о таком? Поступил в мастер-

скую музыкальных инструментов чернорабочим. А песни и музыку я с детства очень уважал. Ну и захотелось мне самому играть и гитары делать. В то время был у нас мастером хороший старичок – Лука Фомич Вязин. Послушал он меня и определил: – «У тебя, говорит, Федька, большой талант, из тебя мастер выйти может!» – И начал меня учить – больше словом, да показом, а когда и палкой: всякое бывало.

Коротков задумался. Я не торопил его.

– Стал я помогать Луке Фомичу инструменты делать: гитары, мандолины, ну и балалайки. Только меня всегда гитары привлекали: звук у них душу мою заворачивает. Ну и играть начал, ноты выучил. Начали меня признавать мастером, а когда помер Лука Фомич, царствие ему небесное, то стал я заведующим всей мастерской.

– Трудно работать музыкальным мастером?

С душой и пониманием работаешь, так не трудно. Ведь у нас основное, чтобы каждая деталь, скажем гитары, звучала и притом в полном согласии со всем инструментом. Незнающий человек посмотрит – скажет деревяшка, и все тут. А эту деревяшку нужно сделать со своим чистым и полным звуком! И вот тут такая трудность: стачиваешь какую-нибудь, скажем, планку, чувствуешь – начинает звучать. Еще слой снимешь с нее – звук становится лучше, сильнее, но самую малость лишнее снял и звук сразу пропадет. И вот, когда стачиваешь слой за слоем – все время думаешь: где остановиться? Для этого нужно особое чутье.

– Интуиция, – вырвалось у меня невольно иностранное слово. Видя, что мастер меня не понял, я поспешно добавил:

– Один умный человек сказал, что искусство начинается там, где начинается «чуть-чуть».

– Коротков сразу схватил суть этого изречения и одобрил его.

Чистка лошадей закончилась, все разошлись. Я попросил Короткова сыграть мне что-нибудь. Гитара оказалась у него под рукой. Он взял ее любовно, осторожно провел пальцами по струнам и начал играть что-то очень сложное и глубокое; может быть, это была его собственная музыка, сочиненная раньше, или импровизация? Аккорды то тревожные, то печальные, как волны, набегали один за другим. По ним серебристой лодочкой летела легкокрылая мелодия. Меня поразила особая полнота звука гитары и ее красивый тембр.

– Хорошая гитара и играете вы замечательно, – похвалил я мастера, когда он закончил, – Что же дома у вас семья осталась?

– Молодая жена и двое маленьких детей: сын и дочка, – ответил Коротков. Из-под косматых черных бровей неожиданно мягкими синими лучиками заиграли его глаза. – Женился то я поздно, уже за тридцать мне было, а девушку взял молодую. Вот и думаю теперь все время: как она там справляется без меня?

– Ничего, обойдется, – успокоил я его. Лишь бы война кончилась!

Момент был подходящий для того, чтобы обратиться к основной теме моего разговора.

– Вот вы говорите – в гитаре все должно быть слажено так, чтобы каждая деталь звучала в лад с остальными. А ведь батарея – это тоже инструмент, в котором бойцы выполняют определенную каждому из них задачу. Добиться слаженной рабо-

ты батареи не легко. В этом деле большая ответственность ложится на старшину. Ему нужно помогать, а не обижаться, если он иногда сделает что-нибудь вам не по нраву.

– А я что же, разве я обижаюсь? Я понимаю, что старшина должен от каждого требовать в полной мере...

– Нужно ему показать вашу благодарность за сапоги, – внушал я Короткову.

– Как же это сделать?

– Подойдите и отрапортуйте: Товарищ старшина! Разрешите доложить, что я таких хороших сапог в жизни не носил!

Коротков усмехнулся. Не знаю, повторил ли он старшине мой шуточный рапорт, но благодарность свою он высказал, и между ними установились мирные отношения. Но как потом оказалось, не надолго!

Незаметно подошел сентябрь. На земле появились первые желтые листья. Лес, в котором мы стояли, начал расцвечиваться осенними яркими красками. Стройные ели в вышине перешептывались, склоняясь вершинами друг к другу, совещаясь о чем-то важном, недоступном для понимания людей, и с них на наш шалаш падали сухие ветки.

Вечерами мы со старшиной обычно приходили к капитану Сорокину.

Он сидел перед костром на пеньке у входа в свою палатку. Мы рассаживались на колодах возле костра и смотрели, как искры от смолистых веток поднимаются к спокойному темному небу, на котором сквозь облака мерцают холодные звезды. Обсуждались новости дня, потом переходили к воспоминаниям о трагических или забавных случаях из военной жизни. Ординарец командира батареи Новиков, подбрасывая ветки в огонь, следил за чайником, висевшим над костром, и когда тот закипал, с торжественным видом засыпал в него чай с примесью каких-то душистых трав. Чай получался необычайно ароматный и вкусный. За неимением ничего прочего мы пили его из больших кружек. Когда у капитана было хорошее настроение, он вызывал Короткова с его гитарой. Составился своеобразный квартет: капитан пел густым приятным баритоном, старшина вторил ему тенором, а я неумело, но старательно подтягивал басом. К Короткову привыкли и звали его просто Мастером. Сам он в пении не принимал участия, но аккомпанировал как большой специалист. Ему было достаточно услышать намеки на незнакомую ранее мелодию и он уже свободно восстанавливал все остальное. Старшина часто фальшивил: слух у него был неважный. Капитан, увлеченный собственной партией, как это часто бывает, ничего другого не слышал, но Коротков недовольно морщился, впрочем, ничем другим не выдавая своего возмущения. Так коротали мы вечера.

Однажды капитан прискакал из штаба на своей маленькой, но шустрой вороной кобылке. Рядом с ним гарцевал на крупном пегом жеребце темноглазый и темно-волосый лейтенант. На гимнастерке его красовались два ордена и несколько медалей.

– Знакомьтесь, лейтенант Артемьев. Он получил назначение в нашу батарею на должность командира взвода управления, – представил его капитан.

Лейтенант Артемьев когда-то начинал свою службу в армии под начальством капитана Сорокина. Он участвовал в боях под Сталинградом, был серьезно ранен, а после выздоровления попал в нашу дивизию. Увидев старого друга в штабе, капитан Сорокин добился назначения его в свою батарею.

Наша очередная встреча вечером у костра на этот раз получилась более шумной, чем обычно. По случаю прибытия в батарею нового лейтенанта старшина извлек из своих запасов фляжку спирта. Немного выпив, капитан Сорокин, веселый и оживленный, командовал:

– Ну, а теперь споем нашу кавалерийскую!

Затянули «Марш Буденного». У лейтенанта Артемьева оказался чистый и сочный тенор. Все шло хорошо, но на последних словах старшина пустил такого петуха, что Артемьев, не церемонясь, заявил:

– Ну, брат, тебе видно медведь на ухо наступил. С таким писклявым дишкантом тебе не петь, а лошадей пугать!

Коротков не удержался и подхохотнул, я также не смог удержать улыбку.

Старшина сник. Вечеринка продолжалась еще долго, но он уже больше не принимал участия в концерте, молча кружка за кружкой пил чай и мрачно смотрел на костер. Капитан, казалось, не замечал его подавленного вида.

В последующие дни старшина не появлялся на обычных вечерних собраниях, ссылаясь на больные зубы. «Квартет» продолжал свои выступления в новом составе. Дав волю чувству оскорбленного самолюбия и изгнав себя с батарейного Олимпа, старшина горько переживал утрату, сетуя иногда в разговорах со мной на свои невзгоды. Странно, но недоброжелательство старшины было направлено не на лейтенанта Артемьева, а на Короткова, который лишь косвенно стал причастен к прискорбным событиям. В своих взаимоотношениях с Мастером старшина был сух и официален, не придирился к нему без повода, но и не прощал никаких мелких прегрешений.

Артемьев оказался веселым и общительным офицером, работать с ним было легко и приятно. Он хорошо разбирался в радиотехнике. Узнав, что в батарее имеются две бездействующие рации, погребенные под разным хламом на одной из повозок, он извлек их на поверхность. С помощью одного из новобранцев, также увлекавшегося радиотехникой. Артемьев привел рации в полный порядок и уделял почти все свое время развитию этого вида связи в батарее.

Пришло время выступать на фронт. Основная часть нашей дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, уже продвинулась вперед. Мы нагнали ее на подступах к небольшому городку Нижневалууйску, расположенному среди лесов на возвышенности, господствующей над всей окружающей местностью. Через этот городок проходили важные в стратегическом отношении дороги и овладеть ими было необходимо для успеха наступления. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись, часто переходя в контратаки, и многие позиции неоднократно переходили из рук в руки.

Непреодолимым препятствием для наступления нашей пехоты оказался сильно укрепленный хутор, расположенный на дороге в Нижневаяуйск, на расстоянии примерно полутора километров от выхода из леса, окружавшего этот городок.

– Этот хутор у меня как нарыв на известном месте: ни встать, ни сесть, – заявил нам при первой встрече командир батальона майор Кузьмин для пояснения обстановки. – Проклятые фашисты не дают выйти из леса, обстреливают из пулеметов, из пушек, забрасывают минами. Делайте все, что хотите, а противника отсюда надо выбить!

Для подкрепления своих слов Кузьмин ткнул указательным пальцем в маленькую точку на карте и громко высморкался.

Атаковать противника в лоб – в направлении основной дороги, по которой велось наступление, – представлялось бессмысленным: наши пушки, даже основательно окопавшись на опушке леса, своим огнем не могли подавить сильно укрепленные огневые точки противника, а сами становились для него легко уязвимой мишенью. Поэтому капитан Сорокин решил послать часть орудий в обход, поручив им пробраться через лес и болота и выйти в тыл укрепленного хутора. Трудность состояла в том, как провезти тяжелые пушки по бездорожью. Наши разведчики долго искали сколько-нибудь пригодный обходной путь, но ничего подходящего не нашли. Так прошел целый день.

Утром, накормив батарею, старшина решил включиться в решение трудной боевой задачи.

– Когда я вез кухню на передовую, я видел в нашем тылу слабо обозначенную проселочную дорогу, уходящую вправо от большака, – заявил он капитану. – Не может быть, чтобы она не пересекала лес. Нужно вернуться на несколько километров назад и разыскать эту дорогу. Я уверен, что по ней можно будет провезти наши пушки!

Командир батареи внимательно посмотрел на карту. Никаких следов дороги на ней не оказалось, но по характеру местности было не исключено, что такая дорога действительно могла существовать.

– Бери два орудия, – обратился он ко мне. – Отбери дополнительно несколько наиболее физически крепких бойцов из расчетов других орудий и из взвода управления и вместе со старшиной отправляйся искать дорогу. Как только выйдешь из леса, дашь сигнал: две зеленых ракеты.

– Я возьму одну из раций и буду все время поддерживать связь с Артемьевым, – ответил я.

– Ну, если они будут работать, эти хваленые рации, – усмехнулся капитан. – Ракеты надежнее!

Тщательно подготовившись к трудному походу, мы со старшиной подсели к Мастеру на передок первого орудия и покатали в тыл. Кроме двух пушек, в наш отряд входили повозки со снарядами, продовольствием и всяким снаряжением, а также отделение минометчиков и два пулемета, которые капитан Сорокин выпросил в батальоне. Получилась солидная группа, в состав которой входило около тридцати бойцов. Конечно, старшина не забыл о походной кухне.

Опытный глаз не подвел старшину: проехав три-четыре километра мы увидели ответвляющуюся в сторону сильно заросшую травой дорогу. Похоже было, что по ней давно никто не ездил и все о ней забыли. Но куда она вела и была ли проходима для наших пушек?

– Раз есть дорога, то куда-нибудь да должна же она вести, – с философским спокойствием произнес Мастер, повернув Короля и Ласточку на проселок.

Я выслал вперед двух разведчиков и мы тронулись в путь. Дорога шла вначале по полю и здесь особых трудностей с провозом пушек не было. Кое-где в низинках колеса орудий и повозок вязли в сырой земле, но натренированные бойцы и сильные

лошади быстро выволакивали их на сухое место. На наше счастье последние дни стояла солнечная погода – конец «бабьего лета», – и дорога просохла. Только пересекая один из ручьев, мы угодили в болото. Пришлось устраивать настил из заранее припасенных бревен и, отцепив передки, вручную перекачивать по нему наши пушки.

Солнце склонялось уже к закату, когда мы, невероятно усталые, в грязи по колено, приблизились к темному массиву леса. Сверх наших ожиданий дорога через лес оказалась вполне удовлетворительной. Петляя то вправо, то влево, мы продвигались в сени огромных сосен, своими вершинами уходившими, казалось, в самое небо. Вскоре потянуло гарью: вероятно, в ходе встречного боя здесь несколько дней назад вспыхнул лесной пожар. Весь подлесок выгорел, стволы же сосен, обугленные снизу, черными великанами словно искалеченные руки простирали свои полуобгоревшие ветви. Кое-где под ними валялись сильно вспученные трупы вражеских и советских бойцов, распространяя резкий запах тления. Неестественная для леса тишина нарушалась только скрипом наших повозок. В лучах заходящего солнца, слабо пробивавшихся через гущу нетронутой пожаром верхней хвои, этот обгорелый лес с мертвецами казался мрачным и призрачным, словно перенесенным из страшного сновидения. Подавленные зловещей картиной, мы молча шагали за пушками.

Неожиданно колонна остановилась. Я пошел посмотреть, в чем дело. Оказалось, что на самой дороге лежал убитый советский боец, через труп которого осторожный Король не хотел переступить. Это был совсем молоденький и худенький солдат, с виду почти ребенок. Он лежал на боку, крепко держа в почерневших сморщенных руках автомат, казалось, продолжая сдерживать наседавших на него гитлеровцев, трупы которых плотным кольцом окружали неизвестного героя.

– Вот славная смерть! Погибнуть так, как этот боец, с оружием в руках до последнего дыхания, отражая врага – что может быть более мужественным! – сказал я, обращаясь к старшине и молодому разведчику Акимову, разглядывавшим вместе со мной распростертые на дороге тела.

Акимов с благоговением прикоснулся своей рукой к автомату советского солдата. Старшина недовольно поморщился:

– Нелепая смерть! Зачем он лег посреди дороги? Нужно было бы устроиться вон за тем деревом. – Старшина показал рукой удобную с его точки зрения позицию. – Может быть и жив бы остался!

Подошло еще несколько бойцов. Сняв пилотки, мы тихо стояли, воздавая своим молчанием последнюю дань погибшему.

– Нужно его похоронить – сказал Мастер.

Быстро выкопав неглубокую могилу, мы закопали почти еще неразложившееся тело и в гнетущем молчании тронулись дальше.

Посланные вперед разведчики доложили, что мы уже приблизились к выходу из леса. На самой опушке они обнаружили дом, из трубы которого шел дымок.

– Судя по всему это дом лесника, – сказал сержант Коробкин, командир батарейного отделения разведки, – Гитлеровцы наверняка знают о дороге через лес и выставили свой сторожевой пост.

Оставив нашу колонну в лесу, я вместе с разведчиками, прихватив с собой старшину и Мастера, отправился осматривать подозрительный дом. В группу вхо-

дило восемь человек, вооруженных автоматами. Только Мастер по своему обычаю ограничился здоровенной дубинкой, которой он владел с большим искусством.

В спускавшихся сумерках, соблюдая тишину, мы осторожно приблизились к обширной усадьбе, окружавшей дом лесника, и затем обошли вокруг основного здания. Сложенный из толстых сосновых бревен дом, казалось, был построен на века. Старшина попробовал открыть дверь – она была заперта. Окна, расположенные так высоко, что заглянуть в них не было возможности, были плотно занавешены. Только в верхней части одного из них виднелась маленькая щелка, через которую пробивался свет.

Я подозвал Мастера, взгромоздился на его широкие плечи и он поднял меня. Придерживаясь рукой за наличники, я заглянул в щелку. Внутри просторной избы за большим грубо сколоченным столом, на котором стояла керосиновая лампа, сидело трое солдат в одних рубашках. Несомненно, это были немцы. Они пили из кружек не то чай, не то что-то более горячительное, и, не спеша, переговаривались. Четвертый сидел сбоку на скамье, держа возле уха телефонную трубку, и в свою очередь болтал с кем-то на другом конце провода, по-видимому, о веселых и занимательных вещах, так как время от времени он разражался хохотом. Углы и стены комнаты терялись в густых колеблющихся тенях. Только когда один из солдат встал и, открыв дверцу печи, подбросил в нее дров, стала видна огромная деревянная кровать, стоявшая у стены, и беспорядочно сваленные на нее автоматы и какие-то котомки.

Спустившись на землю, я задумался. Ворваться в дом было не просто: окна были высоко, а дверь очень крепкая и надежно заперта изнутри. Дом представлял собой крепость, которую можно было взять, только пустив в ход наши пушки, а несвоевременно обнаружить себя было бы непростительной глупостью.

– Давайте заткнем трубу, – предложил старшина, с которым я поделился своими сомнениями. – Солдаты не выдержат дыма и сразу выскочат из избы, а мы тут их и прихлопнем!

План был неплох, но в голове у меня зародилась новая мысль. Раз у немцев был телефон, значит, к нему подходил провод. Можно было подключиться к нему и послушать, о чем разговаривают наши враги. Послав одного из разведчиков за телефонным аппаратом, мы принялись искать телефонный кабель и без большого труда нашли его.

Поставив молодого худенького разведчика Сергея Акимова на плечи Мастера, я велел ему наблюдать за тем, что происходит в доме, а сам в ожидании аппарата присел на широкую ступеньку крыльца. Высокая кудрявая рябинка, выросшая возле дома, склонялась над моей головой под порывами налетавшего время от времени ветра, шурша засохшими листьями. По темному осеннему небу быстро пробегали тучи, предвещая перемену погоды. Моей руки неожиданно коснулось что-то холодное и влажное. Это большая нескладная собака ткнулась носом в мою руку, признав во мне друга своего неизвестно куда девшегося хозяина. Я погладил ее по голове и она благодарно завилела хвостом и заскулила.

Когда принесли аппарат, мы тут же подключили его к телефонному кабелю и я начал слушать. В университете я когда-то изучал немецкий язык и владел им достаточно, чтобы понять смысл разговора и произнести несколько фраз. Телефонисты болтали о своих обыденных делах, о начальнике – каком-то обер-лейтенанте,

и о всяких пустяках. Я выяснил, что телефониста, сидевшего в доме лесника, зовут Куртом Зингером. Воспользовавшись наступившей в разговоре паузой, я отключил уходящий в сторону немецкого опорного пункта провод и взволнованным голосом, стараясь подделаться под интонации собеседника Зингера, произнес в трубку:

– Внимание, Зингер! Передай нашим солдатам на пункте, что господин обер-лейтенант вышел проверять сторожевые посты. Через десять минут он будет у вас.

Зингер не обнаружил подвоха в моем сообщении: он передал его трем своим товарищам и они, по-видимому, страшно обозленные на своего не в меру ретивого начальника, принялись одеваться. Акимов, стоя на плечах Мастера, продолжал наблюдать за происходящим внутри дома и сообщал нам все подробности. Вот два солдата в полном обмундировании и с оружием в руках направились к двери. Загремели отпираемые запоры. Выйдя на крыльцо, немцы остановились на мгновение, ничего не видя вокруг после светлой избы. Здесь они и попали, не успев подать голоса, ошеломленные и испуганные, в руки наших дюжих разведчиков. Я и старшина ворвались в избу и без труда обезоружили не оказавших нам сопротивления оставшегося там солдата и телефониста.

Вскоре вся наша группа собралась в избе. Пленных со связанными руками поставили у стены. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. Вдруг один из пленных, молодой еще, но сухой и тощий; с какими-то крысиными глазками солдат с нашивками на мундире, разразился неистовой бранью. Он хорошо запомнил известные русские ругательства и, уснащая ими свою немецкую речь, усердно обливал оскорблениями советскую страну, советскую армию и вообще все русское и советское. От неимоверного нервного напряжения все лицо его искривлялось в судорогах, весь он дергался как картонный паяц на веревочке. Кроме меня, никто не понимал его полностью, но смысл ругани был ясен.

– Вот он, бесноватый фюрер, в карикатурном варианте, – с усмешкой пробормотал я про себя.

Старшина с сумрачным лицом подскочил к потерявшему всякое самообладание солдату. Когда тот, корчась в припадке ненависти, брызгая слюной, истерически выкрикнул: «Хайль Гитлер!» старшина тоже потерял самообладание. Он весь затрясся, его удлиненное лицо посерело и еще больше вытянулось, нижняя челюсть отвисла. Выхватив свой длинный нож, с которым никогда не расставался, старшина направил его в горло бесновавшегося немца. Багровые отсветы вспыхнувшего в печке пламени заиграли на остро отточенном лезвии.

– Что ты делаешь, старшина! Не пачкай руки кровью пленного, – закричал я, бросаясь к нему.

Наверно я не успел бы помешать старшине прикончить истекавшего злобой гитлеровца, но тут вмешался Мастер, который стоял рядом с изрыгавшим проклятия немцем.

– Не тронь, старшина! Не бери греха на душу, – твердо произнес он, отводя руку старшины с ножом, конец которого уже касался горла пленного.

Старшина злобно посмотрел на Мастера и закричал:

– Вечно ты суешься не в свое дело! Ты простой ездовой, на фронте еще не побывал, а берешься указывать мне, что делать и что не делать!

Пленные с ужасом смотрели на разыгравшуюся перед их глазами сцену. Даже бесноватый солдат стих и сник. Разведчики, еще возбужденные недавней схваткой, в нерешительности кого поддержать толпились вокруг. Только Сережа Акимов встал поближе к Мастеру, как бы собираясь его защищать от старшины.

Мастер не унимался. Величественно опираясь на свою дубинку, он спокойно возразил:

– Конечно, я простой русский человек. Нет у меня ни звания, ни образования. А только я скажу тебе, старшина: плохое это дело зря пролить человеческую кровь!

– Добренький ты, Мастер, хотел бы, чтобы война была без раненых и убитых! А видел, сколько их в горелом лесу валяется? У войны свои законы, – резюмировал старшина, ловким манером переводя спор в другую плоскость.

Пришло время мне вмешаться в дискуссию. По-существу я был согласен с Мастером: излишняя жестокость ни к чему. Более того, Мастер своим своевременным вмешательством не дал старшине совершить позорный поступок, за который и мне самому пришлось бы отвечать. Но одно дело великие принципы гуманизма и высокой справедливости и совсем другое – воинская дисциплина. Встав между старшиной и Мастером, я официальным и строгим тоном объявил:

– Товарищ Коротков! За пререкания со старшиной получите два наряда вне очереди!

Мастер молча откозырял – этому он уже научился, – и отошел в сторону. Старшина спрятал свой нож, однако ему не хотелось прерывать столь любимый им спор на общие темы.

– Вот ты заступился за пленного и считаешь себя человеком с большой буквы, – обратился он к Мастеру. – А спросите у этого фашиста, товарищ лейтенант, что бы он сделал со мной, если бы я попал к нему в лапы?

Я перевел вопрос. Лицо немца исказилось от злобы и ненависти.

– Я прежде всего выколол бы тебе глаза твоим же ножом, – выплюнул он со злорадством.

Старшина торжествующе захохотал. Желая прекратить тягостную дискуссию, я отправил Мастера подготовить конюшню для стоянки наших лошадей, а старшину и двух разведчиков послал за оставшимся в лесу отрядом. Выставив часовых, я исправил телефонный кабель и посадил к вражескому аппарату пожилого, весьма исполнительного связиста Воронова, приказав ему при позывных гудках подзывать меня. Пленных поместили в камерке неизвестного назначения, оказавшейся в избе, и я начал по очереди их вызывать и опрашивать. Первым ко мне попал полный краснощекий блондин среднего роста, с порядочным брюшком. Усадив пленного за столом рядом со мной, я попросил его прежде всего назвать свое имя.

– Гут Вангюль, – ответил пленный.

Какие-то смутные ассоциации зашевелились в моем мозгу.

– Вы бельгиец? – быстро спросил я.

– Как вы догадались? – в свою очередь спросил пленный. – Да, я бельгиец, родился и прожил всю жизнь в маленьком старом городке Брюгге, а теперь волею судьбы попал в неприветливую Россию.

– Я много читал о вашем родном городе Брюгге. Ему посвятил несколько своих книг Жорж Роденбах, произведения которого переведены на русский язык.

– Мой старый мертвый Брюгге, с его тихими улицами и полноводными каналами, с его знаменитым собором и шедеврами живописи в музеях. Впрочем, многие из этих шедевров уже похищены немецкими генералами. Я преподавал историю в местной гимназии, а летом в качестве гида водил иностранцев по городу. Попаду ли я снова в мой город? – спросил бельгиец с тревогой.

– Попадете, конечно, – ответил я. – Для вас теперь война окончена. Правда, жизнь у нас в тылу суровая, не хватает продуктов питания и ваше брюшко станет не столь заметным. – Я фамильярно ткнул моего собеседника двумя растопыренными пальцами в живот.

Пленному моя шутка понравилась, он успокоился. Мы с ним поговорили еще немного о Брюгге, о войне, а потом незаметно перешли к расположению немецких орудий и пулеметов в укрепленном хуторе. Гут Вангюль был столь любезен, что нарисовал на листке бумаги из моего полевого блокнота план хутора и расположение в нем огневых точек. Он уже не считал немцев своими товарищами по оружию. Он освободился от гнета военной дисциплины и у него был теперь свой путь – путь домой, в Бельгию, в Брюгге.

Неожиданно зазудел телефон. Воронов с испугом протянул мне трубку. Я в свою очередь передал ее пленному и попросил сообщить, что на сторожевом посту все спокойно. Гут Вангюль моментально вошел в роль. Он шутил и раскатисто смеялся, разговаривая с немецким телефонистом на другом конце провода. Старшина, который появился в этот момент в избе, с изумлением смотрел на пленного.

– Это не немец, а бельгиец, – объяснил я ему ситуацию. – Он дал очень ценные сведения о противнике, а теперь передаст на хутор, что здесь все в полном порядке. Выдай ему котелок каши, – добавил я, видя, что бойцы приступили к ужину, – он ее заслужил.

– Ну вы и фокусник, товарищ лейтенант, – с восхищением отозвался старшина. – Спросите, где у них тут запасы продовольствия и шнапса, – попросил он.

Получив нужные указания, старшина немедленно наложил свою лапу на все запасы. Я продолжал допрос, но остальные пленные не сообщили ничего нового. Мой знакомый по телефонному разговору, Курт Зингер, здоровенный рыжий солдат, намекнул, что защитники хутора боятся окружения и при первой тревоге устремятся в Нижневалуиск. Я принял это сообщение себе на заметку. Последним был «бесноватый» немец. Он вначале попробовал хорохориться и отказался отвечать на вопросы. Тогда я попросил старшину очинить мой затупившийся карандаш. Старшина моментально понял, что от него требуется. Он извлек свой знаменитый нож и с большой ловкостью употребил его для выполнения моей невинной просьбы. Увидев страшное оружие, «бесноватый» моментально стал вежливо отвечать на все вопросы. Между прочим, оказалось, что его зовут Гельмут Гейне.

– Вы случайно не принадлежите к потомкам великого немецкого поэта Генриха Гейне? – не подумав спросил я.

Пленный подпрыгнул на стуле от негодования.

– Я чистокровный ариец, – фыркнул он гордо.

На восемь часов у меня был назначен сеанс связи с командиром батареи. Рация работала превосходно. Артемьев торжествовал:

– По сообщениям пленных на хуторе находится более ста солдат, шесть полевых орудий, две самоходных пушки и двенадцать пулеметов – доложил я капитану Сорокину, когда тот сообщил, что слушает меня.

– Будь осторожен, не увлекайся, – посоветовал капитан. – Самоходки сомнут тебя с твоими пушками, как скорлупу. Твоя основная задача – напугать немцев. Сделаем так: батарея вместе с батальоном Кузьмина будет готова к бою к 10.00. Сигнал готовности к атаке – две красных ракеты. Сразу за сигналом включай рацию: доложишь обстановку.

Весь мой отряд уместился в избе. Промокшие и грязные солдаты вповалку разлеглись на полу, нежась в тепле после трудного перехода. Старшина, конечно, занял кровать.

– Иди сюда, лейтенант, тут места хватит на троих, – пригласил он меня.

Я отказался: мне нужно было все время находиться возле немецкого телефона. Я улегся на широкой скамье, головой почти касаясь аппарата, и мгновенно заснул.

Меня разбудил звук зуммера: это загудел аппарат. Очнувшись от дремоты, мой верный Воронов забубнил в трубку, словно заученную молитву:

– Роза, Роза, я Ромашка, я Ромашка! Как слышишь меня, даю настройку: раз, два, три...

Я закрыл трубку рукой и зашипел на Воронова, давясь от смеха:

– Какая ты Ромашка? На той стороне провода немецкий телефонист! Забыл?

– Виноват, товарищ лейтенант! – сонно моргая глазами, сознался Воронов.

Я взял трубку и раздраженным голосом спросил по-немецки:

– Какого черта ты беспокоишь людей? Тебе что – делать нечего?

– Проверочка, Курт – захохотал мой собеседник. Он принял меня за Зингера. – Между прочим, мне показалось, что у вас там разговаривают по-русски: раз, два, три...

– Надо пить меньше шнапса на ночь: айн, цвай, драй, – передразнил я немца.

Инцидент был исчерпан.

Тот, кто не таскал пушки по разбитым дорогам, в грязи и слякоти, в холод и дождь вряд ли может оценить блаженство спать в теплой избе на широкой скамье, подложив полевую сумку под голову и укрывшись шинелью. Было уже полное утро, когда я проснулся. Солдаты вполголоса переговаривались, не желая будить меня, а точнее – выходить из теплой избы под разошедшийся дождик. Я не оценил их деликатности: нужно было срочно занимать огневые рубежи, ведь к 10.00 была назначена готовность к атаке!

План боевого расположения отряда созрел у меня еще вечером. Я сосредоточил основные силы на дороге, ведущей из дома лесника к хутору, на расстоянии пяти-шести сот метров от него. Мелкий, чисто осенний дождь и туман позволили незаметно выдвинуться на намеченные рубежи. Огневая площадка для первого орудия была подготовлена вблизи дороги из хутора в Нижневалуиск, в тылу у противника, занимавшего хутор. Для обоих орудий были намечены запасные позиции.

До назначенного Сорокиным срока готовности к атаке оставалось не более получаса, когда я с командирами орудий прибежал в усадьбу лесника, чтобы отпра-

вить пушки на огневые рубежи. В доме лесника были только Мастер и двое часовых, стерегуших пленных. В утренних хлопотах я совсем забыл о них. Неожиданно промелькнула мысль: – «А что, если поугадать противника, используя действующий полевой телефон?» – Я вызвал моего приятеля-бельгийца из каморки, набросал на листке бумаги несколько фраз и попросил его передать текст по телефону. Гуг Вангюль охотно согласился.

– Тревога, тревога! – заверещал он, от усердия закатывая глаза. – На опушке леса появились танки. Гейне и Зингер насчитали их более тридцати. За ними пехота, очень много русских солдат и пушек. Что делать, мы окружены! Мои товарищи начали перестрелку с русскими, но нас всего четверо и долго мы устоять не сможем. Русские уже подходят к нашему сторожевому посту. Я кончаю...

Гуг Вангюль положил трубку и разразился хохотом, поджимая руками живот:

– Представляю, как они там переполошатся, – давась от смеха, закричал он.

Я отправил веселого бельгийца в каморку для пленных. В это время, увидев через открывшуюся дверь, что в доме только я и Мастер, Гейне попросил разрешения поговорить со мной. Времени было мало, но я все же согласился.

Вчерашний бесноватый гитлеровец за ночь преобразился: он был тих и вежлив, лицо его было бледно, глаза воспалены. По-видимому, он всю ночь не спал.

– Я Намного передумал за прошедшую ночь, я сожалею о моем неуместном поведении, – заявил он. – Я хотел бы отблагодарить спасшего меня русского солдата.

Я подозвал Мастера:

– Этот пленный солдат хочет поблагодарить вас за то, что вы вчера вступились за него.

– Я хотел бы передать ему вот эту вещицу, – добавил Гейне, снимая с шеи небольшой медальон на серебряной цепочке. – Это мощи святого Христофора, они предохраняют от неожиданной смерти. Я уже испытал силу этого амулета на себе, он мне больше не нужен.

Мастер взял ладанку и, смущенно усмехнувшись, сунул себе в карман.

– Нужно надеть на шею, – педантично потребовал Гейне.

Мы не заметили, когда в избе появился вездесущий старшина. Он с интересом наблюдал церемонию вручения ладанки Мастеру.

– Поощряете религиозные предрассудки темных масс, – ехидно заметил он, обращаясь ко мне. – Придется поставить о вас, товарищ лейтенант, вопрос на партбюро.

– Ладно, свои люди – потом разберемся, – отмахнулся я от него.

Мы занялись перевозкой орудий на огневые позиции. К назначенному капитаном Сорокиным сроку все были на месте. Я занял примитивный «командный пункт» вблизи первого орудия – небольшой окопчик, на дне которого скопилось столько жидкой грязи, что в ней утопали мои сапоги. Дождь прекратился и стало заметно светлее. Направив бинокль на хутор, я вскрикнул от изумления: все в нем было в движении, бегали туда и сюда солдаты, автомашины выползли на площадку перед домами и на них спешно грузились какие-то ящики. Похоже было, что противник готовился к поспешной эвакуации.

– «Вот тебе раз! Неужели моя мистификация о готовящемся окружении, пе-

реданная с помощью толстяка Вангюля, вызвала такую панику? – подумал я. – Кажется, я перестарался»...

В это мгновение легковая машина на большой скорости выскочила из хутора и помчалась по дороге в Нижневалуиск. Вслед за ней потянулись другие машины.

Ждать дальше две красные ракеты-сигнал капитана Сорокина было нельзя. Выпустить беспрепятственно противника из хутора было бы неппростительной оплошностью. Я подал команду и наши пушки и минометы открыли беглый огонь по хутору. Нам удалось подбить несколько машин, над одним из сараев поднялся столб дыма и пламени: видимо, наш снаряд угодил в склад горючего. Но тут появились две самоходки. Положение наших пушек на наспех оборудованных площадках, несомненно, уже было засечено противником. Мы не могли противостоять огню более мощных орудий самоходок. Я дал команду перейти на запасные позиции.

Мастер на своей знаменитой паре коней выскочил на бугор, где стояло первое орудие, лихо развернулся, подцепил пушку на передок и сопровождаемый орудийным расчетом помчался на новое место. Было пора: вражеские самоходки, выкатив на дорогу, открыли сильный огонь по оставленной нами позиции. Пока мы устанавливали пушку на новом месте одна из самоходок, возглавляя оставшиеся невредимыми машины, проследовала на большой скорости по дороге. Вторая самоходка, прикрывая колонну, продвигалась более медленно, открыв нашей пушке свой бок. Мы немедленно воспользовались выгодой создавшегося положения и вlepили в нее с расстояния не более пятисот метров несколько снарядов. Самоходка остановилась и задымила, стрельба прекратилась. Только теперь я вспомнил о втором орудии, которое почему-то молчало. Оказалось, что на полдороге с одной позиции на другую оно застряло в грязи.

Осмотрев в бинокль оставленный противником хутор, я убедился, что он пуст. Неожиданно за хутором у темневшей вдали опушки леса взвились в воздух две красные ракеты: капитан Сорокин сигнализировал, что готов к бою. Как было условлено, я связался с ним по радио.

– Противник в панике бежал с хутора, нами подбито шесть машин и одна самоходка, потерь нет, – коротко отrapентовал я.

– Молодцы, – похвалил нас капитан. – Ждите меня на месте!

Я вернулся к первому орудью, мокрый, грязный, невероятно усталый после перенесенного напряжения. Наверно вид у меня был плачевный. Старшина сочувственно похлопал меня по плечу.

– Вот выпей это лекарство, сразу станет легче, – сказал он, налив из своей фляги стаканчик светло-желтой микстуры.

Я залпом выпил обжигающую горло жидкость, взгромоздился на сиденье наводчика, прислонился к горячему еще стволу пушки и тут же заснул.

Меня разбудил легкий толчок в плечо. Улыбающийся Артемьев бесцеремонно тормошил меня. За его спиной я увидел капитана и старшину.

– Мой нос чувствует запах трофейного шнапса! Где источник? – грозно спросил Артемьев.

Я молча показал глазами на фляжку старшины. Все захохотали.

Капитан заставил меня рассказать подробно о ходе боя. Он был изумлен тем, с какой легкостью противник поддался панике. Оценивая мои успехи, капитан заключил:

– Оказывается, ученый хлам тоже на что-то годится. Однако, если бы твою голову очистить от этого хлама, то из тебя вышел бы неплохой кавалерист.

В устах капитана это была очень высокая похвала. Гордый ею, я несколько дней ходил в приподнятом настроении. Между тем, наступление нашей дивизии продолжалось. Большой частью мы преследовали медленно отступавшего противника, помогая нашей пехоте, и подолгу закреплялись на промежуточных рубежах. Открытых столкновений между Мастером и старшиной больше не было, но я ясно видел, что их взаимная враждебность возрастает.

Однажды в конце октября наша батарея получила приказ сменить на передовых позициях стоявшую там артиллерийскую часть, перемещавшуюся на другой участок фронта. Под вечер мы со старшиной, несколькими бойцами и сержантом Шишаковым, ставшим у нас командиром отделения связи, отправились осваивать оставшиеся нам в наследство от старых хозяев, уже опустевшие огневые точки и землянки. Я не люблю занимать с ходу готовые позиции, хотя это и избавляет от труда самим выполнять земляные работы и сооружать блиндажи и землянки. Дело в том, что, попав на новое место и не изучив его сильные и слабые стороны, вы попадаете под огонь противника, уже пристрелявшего все критические точки. Данная позиция мне особенно не понравилась. Наши окопы располагались вдоль берега ручья, в ложинке между двумя пологими холмами. На вершине одного из них засели немцы. Из-за неровностей местности они не могли непосредственно наблюдать за нами, но дорога, спускавшаяся с холма на нашей стороне, пересекавшая ручей и поднимавшаяся по другому холму, была в своей верхней части у них полностью под прицелом. Немного примирило меня с неудачной позицией то, что в землянке, которую мне предстояло занять, один из углов был разворочен попавшим в нее ранее снарядом. По бытовавшим в то время представлениям снаряды никогда не попадают в одну и ту же точку, поэтому землянка с разбитым углом представляла собой исключительно надежное и безопасное убежище.

Покончив с осмотром и поручив связистам налаживать телефонную линию, мы со старшиной намеревались уже вернуться к оставшимся на дороге за холмом нашим орудиям, с тем чтобы, когда стемнеет, показать им путь. В этот момент на вершине холма показалось одно из орудий, которое тянула пара коней. Мы без труда узнали их: это были наши любимцы Король и Ласточка. На передке восседал ездовой Коротков. Проехав вершину и спустившись на несколько метров по дороге вниз, орудие одним из своих колес попало в воронку от снаряда и остановилось. Усилия опытных коней и ездового вытянуть его были напрасны. Было еще достаточно светло и противник мог без труда расстрелять столь неожиданно представившуюся ему заманчивую мишень. – Нужно выручать Мастера! – заволновался старшина.

Мы побежали к застрявшему орудью. Немцы открыли шквальный огонь из минометов и пушек по верхнему участку дороги. Я преодолел уже большую часть пути, когда разорвавшийся сбоку снаряд оглушил меня. Я упал и с трудом заполз в воронку от снаряда. Голова раскалывалась от боли, в ушах звенело. Каким-то чудом я не был

ранен, но сил подняться и бежать дальше у меня не было. Старшина же, ловко лавируя, быстро приближался к цели. Казалось, он инстинктивно чувствовал угрозу от наступавшего его снаряда, вовремя падал в какую-нибудь канавку или воронку, потом вскакивал и бежал дальше. Вот он добрался до злополучного орудия, вместе с Мастером отцепил его от передка, усадил Мастера на передок, развернулся и быстро скрылся за вершиной холма. Сильно накренившаяся пушка одиноко чернела на дороге.

Обстрел прекратился, начало темнеть. Собравшись с силами, еле передвигая ноги, я побрел по дороге к нашей батарее. Все были на месте. Старинна и лошади почти не пострадали, отделавшись царапинами от мелких осколков, Мастер же был серьезно ранен в ногу. Мое появление было встречено удивленными и радостными возгласами. Старшина успел уже всем сообщить о моей героической гибели: он сам видел, как снаряд разорвал меня на тысячу кусков, так что и собирать было нечего.

Мастеру сделали перевязку и подготовили носилки, чтобы отправить его в медсанбат.

– Ты не обижайся на меня, ежели я был строг к тебе, – сказал на прощанье старшина.

– Чего же обижаться, служба есть служба, – слабым голосом ответил Мастер. – Вот возьми мою гитару на память. – Он протянул старшине лежавшую рядом с ним гитару в чехле.

Как же ты сам без гитары будешь? – обрадованный, по-видимому, не самым подарком, а таким красноречивым проявлением благодарности, удивленно воскликнул старшина.

– Жив буду – новую сделаю, – усмехнулся Мастер.

– Ну ладно, сохраню я твою гитару в целости и сохранности! Поправишься – снова в нашу батарею вернешься. Сыграешь еще и меня подучишь, – согласился старшина.

Они обнялись и Короткова унесли.

Я написал обо всем происшедшем рапорт и по представлению командира батареи старшина был награжден медалью «За отвагу». По-моему, за свой мужественный и великодушный поступок он был достоин и более высокой награды. Я же получил выговор за то, что батарея заняла с большим запозданием назначенную ей огневую позицию.

ТРЕТИЙ ОРДЕН

Осенние сумерки рано вползают в блиндажи и землянки. Было немногим более четырех часов, а вечерние тени уже покрыли серой дымкой несложную обстановку нашего жилища – нары, небольшой столик со стоящим на нем полевым телефоном и маленькую железную печку, которую пытался растопить живший со мной связист Воронов. Эта печурка, да дверь, прикрывавшая вход в землянку, кочевали вместе с нами с одной позиции на другую и были предметами особых забот и тайной гордости Воронова.

Щепки в печурке наконец вспыхнули и осветили покрытое плотным загаром лицо Воронова – серьезного, всегда невозмутимо-спокойного пожилого сержанта, в прошлом бригадира в далеком заволжском колхозе. С первых дней моего знакомства с ним он взял на себя все хозяйственные обязанности и выполнял их с неизменной пунктуальностью, наряду с заботами о бесперебойной связи. Его усилиями все наше примитивное хозяйство поддерживалось в образцовом порядке.

Воронов поставил на печку жестяной чайник. Теплый воздух волнами распространялся по землянке, добираясь до самых далеких и сырых ее углов. Запах дыма и потрескивание дров в печке создавали атмосферу спокойствия и уюта.

В этот вечер я ожидал прихода разведчиков и поэтому не удивился, когда издали послышались шаги. Вскоре в землянку спустились молодой лейтенант и двое сопровождавших его бойцов. Это был командир разведки Нелимов. Готовился ночной поиск, который наша батарея должна была поддерживать своим огнем. Нам предстояло согласовать все вопросы, связанные с операцией.

Я зажег коптилку и разложил на столе карту. Нелимов и пришедшие с ним разведчики разместились вокруг.

– Где же ваше высокое начальство? – спросил Нелимов, неодобрительно осматривая тесную землянку.

Дело обстоит так, что я остался в батарее один за всех. Командир нашей батареи старший лейтенант Калашников подвернул себе ногу, да так неудачно, что его отправили в медсанбат.

– Я знаю эту историю, – вмешался один из разведчиков. – Я как раз был возле штабного блиндажа, когда туда подъехал ваш командир батареи. Видно, ездок то он не ахти какой. Ему бы слезть спокойно с лошадки – она у него, видать, смирная была. Да на ту беду из блиндажа вышла медсестра молоденькая Наташа Маслова. То ли он на нее засмотрелся, то ли прыть свою захотел показать... Только соскочил он лихо со своей кобылки, ну и пришлось нам с Наташей ему первую помощь оказывать.

Я не мог удержаться от улыбки, представив себе полного и мешковатого командира батареи, изображающего лихого наездника под насмешливыми взорами медсестры. Нелимов воспринял этот рассказ совсем иначе.

– Товарищ ефрейтор, – сухо одернул он разведчика. – Вы не имеете права обсуждать поведение старшего по званию и должности – тем более заслуженного офицера. Делаю вам замечание!

– Слушаюсь, – кратко ответил разведчик. Он прислонился спиной к стене землянки и его голова ушла в плотную тень, но я успел уловить что-то вроде насмешливой улыбки на его полных губах.

– Вы командир взвода управления? – обращаясь ко мне, продолжал свои вопросы Нелимов.

– Командира взвода управления у нас нет. Погиб два месяца назад, а нового нам еще не прислали. Я, лейтенант Новиков, числюсь командиром огневого взвода.

– Артиллеристу – командиру огневого взвода не положено ходить в разведку. Его дело – стоять возле своих пушек и в нужный момент кричать «Огонь!» – авторитетно заявил Нелимов.

– Я еще и «Ура!» могу кричать, – съязвил я. Подавляя овладевшее мною раздражение, я продолжал по возможности спокойно, – я и за пушками слежу и за лошадьми, да и у стереотрубы все время приходится дежурить. Что делать – на войне часто приходится заниматься не тем, что положено по уставу. Давайте-ка приступим к делу.

План операции был, в общем, не сложен. Группа захвата предстояло преодолеть ничейную полосу и проволочное заграждение и выйти к середине хода сообщения, ведущего от пулеметного гнезда на переднем крае к блиндажу в глубине расположения противника. Наши наблюдатели заметили, что после смены освободившийся пулеметчик в одиночку возвращается по ходу сообщения в свой блиндаж. Вот здесь то его и следовало захватить.

Мы стали разбирать возможные пути разведгруппы от наших окопов до окопов противника. Оказалось, что карта нужна в основном мне и Нелимову. Оба разведчика прекрасно держали в памяти нейтральную полосу перед расположением нашей части: они помнили чуть ли не все кусты и канавы. После долгих обсуждений остановились на одном из маршрутов, не самом коротком, но зато проходившем по наиболее укрытой местности. Затем мы договорились о всех мелочах совместных действий и условились о сигналах.

– Кто пойдет в разведку? – спросил я.

– Младший сержант Боков и ефрейтор Сизов, – ответил лейтенант Нелимов, указывая на пришедших с ним разведчиков. – Ну, конечно, еще саперы, как положено.

Я с любопытством посмотрел на подсевших тем временем к горячей печке бойцов. У нас много говорили о смелом и удачливом разведчике Бокове. Он уже несколько раз захватывал «языков». Однако видеть его мне еще не приходилось.

– Кто же из вас Боков? – спросил я.

На мой вопрос один из бойцов поднялся. При свете коптилки, возле которой он встал, можно было разглядеть его достаточно хорошо. Признаюсь, я был несколько разочарован. Заинтересовавший меня разведчик оказался пареньком лет восемнадцати, роста немногим более среднего, слегка угловатый. Солдатское обмундирование на нем было совсем новое, но большего размера, чем нужно. Из просторного ворота гимнастерки торчала мальчишеская шея. Смущенный тем, что я его бесцеремонно разглядываю, он слегка подтянулся. По-видимому, брюки были ему слишком свободны: он поправил их движением, которое, чувствовалось, стало для него уже привычным. Единственно примечательным был, пожалуй, у Бокова лоб – очень широкий и

с несколькими поперечными морщинками, которые плохо гармонизовали с общим обликом школьника, надевшего солдатскую форму.

– Гимнастерка не жмет? – спросил я, невольно улыбнувшись.

Поймав насмешливое выражение на моем лице, второй боец тоже поднялся и встал рядом с Боковым. Высокого роста, широкоплечий, он выглядел значительно более впечатляюще, чем его друг. Его героическую внешность немного портило отсутствие двух передних верхних зубов. Из-за этого он при разговоре своеобразно шипел, а когда волновался – присвистывал.

– Я говорил старшине, что не нужно давать Бокову гимнастерку такого большого размера, – сказал Сизов с нескрываемой обидой за товарища. – Так старшина разве послушает кого-нибудь? Уж лучше бы Сережа в старой походил.

– Порядок: старшина внимание проявляет ко мне, как к новому комсору роты, – пошутил Боков. – Это нужно понимать и быть ему благодарным, а не возмущаться.

– Ого, сколько у вас наград! И слева блестит, и справа сверкает, – попытался я похвалой, которая у нас была в широком употреблении, перевести не совсем удачно сложившийся разговор в другое русло. Я принялся рассматривать широкую грудь Сизова, обильно украшенную всевозможными значками. Среди них я с трудом различил скромную боевую медаль. На просторной гимнастерке Бокова значков было значительно меньше, но зато выделялась алой каплей крови «Красная звезда».

Приняв мою похвалу разведчикам частично на свой счет, лейтенант Нелимов самодовольно усмехнулся.

– Вы не обращайте внимания на обмундирование младшего сержанта Бокова, – сказал он, проводя рукой по своим волнистым волосам. – Посмотрели бы, каков он в разведке: парень волевой, действует смело, находчиво. Он вполне заслуженно пользуется репутацией лучшего разведчика нашей части. Сизов попал в разведку не так давно, но тоже успел отличиться в нескольких ответственных операциях.

Чайник вскипел. Воронов предложил гостям чай с сахаром и печеньем из моего офицерского пайка и мы разговорились. Разведчики перестали стесняться, а Нелимов, видимо, забыл о своей высокой должности и вел себя с ними просто, как сверстник.

– Вот пишу домой о своей жизни, о товарищах, о наградах, а мне никто не верит, считают – хвастаюсь, – сказал с некоторой обидой Боков. – Отец пришел с гражданской войны с орденом Красного Знамени, так он у нас известен во всем районе. Точно: на каждом торжественном заседании сидел в президиуме, на все свадьбы приглашали, как почетного гостя.

– О чем говорить, твой отец известная личность, – подтвердил Сизов. – Я о нем кое-что слышал, хотя наше село входит в соседний район, километров в тридцати от вашей деревни. А в том, что касается писем, то их надо с толком писать. Зачем скрывать, здесь все люди свои, – добавил он с озорной усмешкой. – Я не такой скромный, как Сережа Боков. Когда пишу домой, то не стесняюсь, настолько все разукрашу, что и самому интересно становится. Главное – написать правдоподобно! Я всем так головы заморочил, что обо мне в нашем селе уже ходят легенды.

После короткой паузы, во время которой мы пытались переварить сделанное нам ошеломляющее признание, Сизов продолжал более просто, как бы подсмеиваясь над собой.

– Бывают, конечно, трудные минуты. Лежишь, скажем, за кочкой, в какой-нибудь вонючей канаве, словно мокрица или другое какое насекомое. Часы идут, а сигнала к выступлению нет и нет. Все осточертеет, жить становится тошно. Вот тогда я иногда представляю себе, как придет наша победа. Мечтаю, как я вернусь в родное село, пусть раненый, скажем, с рукой на перевязи. Так даже красивее получается. – Сизов остановился, как бы смакуя витавшую в его воображении картину, потом продолжал со своим характерным шипением и присвистом. – Вот собралась группа знакомых ребят и я им рассказываю, не как в письмах, а с полной правдой о годах, проведенных на фронте. А еще лучше, предстает передо мной картина, как я выступаю на большом собрании с огненной речью. Вот я кончил. Раздаются шумные аплодисменты, играет «Интернационал», кругом красные знамена. Все кричат: «Ура, слава герою!» Девушки улыбаются, ищут моего взгляда...

– Тебе что же, Валька, всех девушек нужно, или может быть одной Зинки хватит? – подшутил над своим другом Сережа Боков, намекая на его сердечную тайну.

– Для такого жеребца одной девки мало, – безапелляционно заявил молчаливый до сих пор Воронов. – Ему целый табун подавай.

Все засмеялись.

– Все хотят славы, но она дается большим трудом, – назидательно произнес Нелимов, придавая своему лицу многозначительное выражение. – Чтобы прославиться и получить награду, нужно действительно совершить подвиг, может быть, рискуя своей жизнью. Ты сам лихой разведчик, хорошо знаешь всю эту технику – механику.

– А как же, я вот читал недавно занятную историю, – возразил Сизов, делая наивное лицо. – Один сержант проник во вражеский тыл и в одиночку взял в плен гитлеровского генерала со всем его штабом. – С лица Сизова не сходило лукавое выражение. Я понял, что он разыгрывает своего молодого серьезного командира, а заодно и меня. – Вот бы нам с тобой прославиться чем-нибудь таким героическим, Сережка!

– Все это досужие выдумки людей, никогда не бывших на фронте, – ответил Боков, сгоняя с лица улыбку. – Чем такие рассказы лучше твоих писем домой?

Лицо молодого разведчика стало серьезным, на его лбу резче обозначились морщинки. Я понял, что разговор коснулся важной для него темы, о которой он много размышлял раньше.

– Жизнь наша сама по себе ничуть не героическая. Ползаем темными ночами по нейтральной полосе или в тылу у противника и ждем пулю в бок. Можно ли считать нашу службу какой-то особенной? Казалось бы нет, ведь у всех так. А ведь без хорошей разведки победа не придет, уж это точно!

– Без сомнения, ваша тревожная и опасная служба заслуживает самой высокой оценки, – вмешался я. – И за вашу, как ты считаешь, неприметную деятельность я не пожалел бы самых высоких наград.

Разведчикам кажется понравилась моя восторженная реплика. Однако, немножко помолчав, Боков солидно возразил:

– Когда идешь в разведку, то о наградах не думаешь.

– А все же орден Красного Знамени тебе не терпится получить, – перебил его Сизов.

– Это точно, – немного смутившись сознался молодой разведчик, – такой же, как у отца. Мечтаю о том, как приеду в свою деревню и сфотографируюсь, рядом с ним. Теперь он тоже на фронте. Нам бы одновременно отпуск получить...

– Боков уже имеет орден, а недавно награжден вторым, – пояснил Нелимов. – На Октябрьских праздниках будет вручение.

– Чем же ты так отличаешься? – спросил я Бокова. – Ведь многие ходят в разведку и даже «языков» приводят.

Круглое лицо Сизова, покрытое сплошным румянцем, просияло. Видимо, гордый за друга, оказавшегося в центре внимания, он с увлечением начал пояснять, сильно присвистывая:

– Видите ли, поиск наш большей частью проходит на четыре «О»: отползли, обнаружили, отошли, ... – (четвертое слово, нецензурное, я опускаю). – Подползешь к немецким окопам тихо, скрытно, а как туда сунешься? Что там тебя ожидает? Бывает, полежишь немного да и ползешь обратно. А Сережка – он отчаянный. Прыгнет в окоп, за ним и остальные.

Что значит отчаянный? – недовольно возразил Боков. – Нужно делать свое дело и не думать об опасностях. А главное, действовать всегда так, чтобы потом не пришлось сожалеть о своих поступках.

Я попытался представить себе черный и зловещий неприятельский окоп, полный неожиданностей, и кажется стал понимать, за что ценили разведчики Сережу Бокова.

– Хорошие ребята, – сильно окая сказал Воронов, когда разведчики ушли. – И лейтенант у них толковый, хоть и молод еще. А начальничает он зря: таким ребятам можно бы и уважение показать.

Я охотно согласился с многоопытным сержантом. Нелимов всего два месяца как прибыл в нашу часть из училища. Он ходил в новенькой офицерской форме, в любовно начищенных сапогах, всегда с пистолетом на боку. На его молодом красивом лице прочно утвердилось выражение собственной значительности. Нужно, однако, признать, что он нашел в общем правильный тон в обращении со своими разведчиками: вел себя по отношению к ним по-дружески, но и без излишней фамильярности. «Все же трудно бы ему пришлось без Бокова и Сизова, прав Воронов! – подумал я. – Конечно, ему очень хочется отличиться, получить орден за удачную операцию, чтобы не выглядеть слишком бледным на фоне подчиненных ему удалых разведчиков. Сизов хорошо понимает своего начальника и подсмеивается над ним».

На следующий день наша батарея осторожно, чтобы не привлечь внимания противника, пристреляла нужные точки. Два снаряда легли, как мне показалось, очень удачно, совсем близко от линии, намеченной для передвижения группы разведчиков. Одна из образовавшихся воронок находилась в середине нейтральной полосы, достигавшей здесь шестисот метров, а вторая метрах в восьмидесяти от неприятельских окопов.

– Вот вам и промежуточные базы, нужные для развертывания операции, – похвастался я, показывая Нелимову эти точки на карте.

Наблюдательный пункт батареи находился на небольшой высотке в ответвлении окопа, проходящего вдоль передовой линии расположения нашей части.

От НП к блиндажу командира батареи вел длинный извилистый ход сообщения, пересекавшийся под прямым углом с основным окопом. В месте пересечения, в слабо обозначенной низинке образовалась небольшая площадка или «крест», как мы ее называли. Здесь часто собирались бойцы – передохнуть после дежурства, покурить и обменяться новостями.

В день, назначенный для поиска, я долго сидел на НП, стараясь уловить признаки беспокойства неприятеля. Однако все шло обычным порядком: регулярно менялись пулеметчики, в положенное время над поверхностью окопов противника кое-где колыхались каски – это немцы разносили обед. Стрельба была с обеих сторон ленивая и бестолковая. Пасмурный осенний вечер спускался над унылой сырой лощинкой, вдоль которой проходила нейтральная полоса. Понижаясь постепенно к северу – к нашему правому флангу, она переходила в болото, а за ним, скрываясь в туманной дымке, были уже наши соседи. Слева, почти на середине нейтральной полосы, красовалась группа молодых деревьев – осинки и березки с облетевшими листьями. Среди них затесалась рябинка. Вопреки всему ее красные кисти дразнили своей яркой красотой. На всех схемах и картах эта группа деревьев обозначалась как роща, хотя деревьев в ней было не более дюжины.

За передним краем противника, чуть отступя в глубину, возвышался холм с круто обрезанными трапецевидными боками и плоской вершиной. Почему-то мы называли его Китайской горкой. Я знал, что на этом холме сидит на своем НП немецкий наблюдатель. Один раз рано утром солнце из-за моей спины осветило Китайскую горку и блики заиграли на стеклах оптики моего невидимого противника. Иногда мне казалось, что его холодное и жестокое око заглядывает в мою стереотрубу. Наши взоры скрещивались и я посылал ему беззвучные проклятия, насмехался над ним, придумывал всякие оскорбительные прозвища. Один раз мой враг приснился мне в образе огромного и жирного тарантула. Когда я попытался раздавить его сапогом, выпуклые черные глаза чудовищной твари зловеще засверкали и она быстро убежала в какую-то канаву. С тех пор я называл наблюдателя на НП противника Тарантулом.

Вокруг Китайской горки простирались обширные волнистые поля, покрытые желтовато-бурой увядшей травой. Километрах в трех западнее в стереотрубу можно было различить останки сожженной деревни. От нее сохранились лишь несколько упрямо торчащих печных труб и черных обгорелых деревьев. Все это вместе взятое была моя опаленная войной, взывающая к скорейшему освобождению родная земля!

На этот раз привычный осмотр позиций противника не вызвал у меня никаких эмоций. Я даже забыл о своем враге – Тарантуле. Поручив старшему сержанту Савельеву, исполнявшему обязанности командира взвода управления, непрерывно наблюдать за местностью, я спустился по ходу сообщения с НП. На «Кресте» я встретил Нелимова с его разведчиками. С ними была также незнакомая мне высокая девушка – медсестра, включенная в разведгруппу. Сережа Боков был одет в телогрейку, туго подпоясанную ремнем, и уже не выглядел мальчишкой, случайно попавшим на фронт. Держался он просто и естественно, негромко перебрасываясь замечаниями со своими спутниками, как если бы предстояла не опасная операция, а очередной наряд. Нелимов поглядывал на него, стараясь, видимо, преодолеть естественную в таких

случаях нервозность и вести себя так же спокойно и деловито. Сизов же все свое внимание переключил на молоденькую медсестру. Стоя возле нее он нашептывал ей что-то, должно быть очень приятное и волнующее, так как девушка краснела, а по свежим губам ее блуждала смущенная улыбка.

– Вот отсюда мы и поползем, – объявил Нелимов, похлопав рукой по брустверу окопа, который был здесь не таким глубоким, как на соседних участках. Я заметил, что рука его немного дрожит. – Познакомьтесь, вот медсестра Наташа, которая будет нас перевязывать в случае ранения, – стараясь выглядеть молодцевато, добавил он.

– Та самая Наташа, из-за которой ваш командир батареи чуть не потерял голову, – вмешался Сизов, геройски красуясь перед девушкой.

– Берегись, Сизов, как бы тебе самому голову не потерять, – заступился я за своего отсутствующего начальника.

Девушка взглянула на меня с любопытством и улыбнулась. Улыбка у нее была хорошая – радостная и доверчивая. – Стрелки ее черных бровей разлетелись в противоположные стороны.

– Правильно, товарищ лейтенант! Правду говорят, что хорошо шутит тот, кто шутит последним.

Наташа собрала свои брови в ниточку и серьезно добавила:

– Как подумаешь, что придется ползти по этой вонючей грязи, так тошно становится.

– Это еще не самое страшное, – назидательно обронил Нелимов. – Начнут обстреливать – хуже будет.

– К ночи погода разгуляется, есть признаки, – заявил я. – Подсохнет немного.

– Типун вам на язык, товарищ лейтенант, – шутливо-негодующе зашипел Сизов.. Чтобы усилить свое заклинание он даже плюнул три раза через левое плечо, едва не угодив в Нелимова.

– Сейчас подкрепитесь ужином и настроение ваше поднимется, – ободряюще обратился я к Наташе. – Старшина сказал, что будет каша с мясом и чай с сахаром.

– Чур мне двойную порцию сахара! – не церемонясь заволновалась Наташа и снова улыбнулась своей согревающей душу улыбкой.

– Мне тоже двойную! Чем я хуже Наташки! Разве что только личиком может, не вышел, – отбросив свою обычную серьезность, заявил Боков.

По ходу сообщения мы гуськом направились к блиндажу. Старшина нашей батареи Балашев не подвел меня: каша была сварена по всем правилам фронтового поварского искусства, а затерявшиеся в ее гуще небольшие кусочки мясных консервов придавали ей если не вкус, то запах поразительный.

Блиндаж командира батареи был раза в три побольше моей землянки, однако выглядел столь же примитивно. Спереди слева от входа тянулись нары командира батареи, покрытие сеном, а поверх него плащ-палаткой. Сидя на них, он мог писать или работать с картой на небольшом столе из хорошо пригнанных досок. Справа были нары пошире – на них могли при необходимости разместиться три-четыре человека. Пол был застелен досками: по нашим понятиям такой роскошью могли отличаться лишь жилища действительно крупных начальников. Ближе к входу находились же-

лезная печка и столик из снарядных ящиков, за которым, прижав телефонную трубку к уху, сидел брат Воронова по профессии сержант Соколов. Оба связиста были очень друг на друга похожи, и даже по голосу их было трудно различить.

После ужина связисты взяли на себя заботу о печке и завели нескончаемый разговор о каких-то колхозных делах; можно было понять, что новый председатель колхоза Воронову не нравился, а Соколов был с ним вполне согласен. Нелимов с разведчиками, сняв ватные куртки и подстелив их под голову, улеглись на широких нарах. Сизов пригласил и Наташу разместиться с ними, показывая, сколько еще осталось на нарах свободного места. Однако девушка расположилась на узких нарах за моей спиной. Раздосадованному Сизову пришлось довольствоваться соседством сапера Абрамова – высокого худого парня с длинными подвижными пальцами. Как говорили, он был мастером своего дела. Второй сапер – пожилой сибиряк Старых, которого все звали просто Старик, устроился на полу возле печки и включился в разговор связистов. К ним присоединился и старшина Балашов. Под этот разговор я неожиданно быстро заснул, ощущая за спиной близость молодой девушки.

Уже за полночь старшина разбудил нас и сказал, что из штаба пришло распоряжение выступать. Одевшись и натянув маскхалаты, мы выбрались из блиндажа. Мой прогноз погоды оправдался: ветер разогнал тучи, по темному небу плыл, склоняясь к горизонту, яркий полумесяц. Мы продвинулись к Кресту и когда месяц зашел группа через подготовленный проход выбралась на нейтральную землю. Впереди поползли саперы, за ними Боков и Сизов, потом остальные. Я и Наташа оказались в самом хвосте. В полной тишине мы ползли как неуклюжие насекомые, стремящиеся застать враг врасплох и захватить или задавить врагов – не людей, ибо война приучила нас думать о неприятельских солдатах как об отвратительных существах, уничтожать которых стало для нас непреложным законом существования.

Наконец мы достигли воронки посреди нейтральной полосы. Основная часть разведгруппы поползла дальше. Я разостлал плащ-палатку поверх мокрых комьев глины на пологом склоне воронки и улегся на нее с биноклем в руках. Спустя минуту Наташа присоединилась ко мне, бесцеремонно прижавшись к моему правому боку.

– Сколько тебе лет, лейтенант? – спросила она.

– Двадцать шесть, я уже старый.

– Не старый, но и не молодой. И что же ты делал все эти двадцать шесть лет?

– Учился в школе, работал, потом снова учился в Университете. Там прошел вневойсковую подготовку, стал артиллеристом. Перед самой войной получил направление на работу в большой физический институт в Москве – я по специальности физик. Да не пришлось поработать, вместо этого попал на фронт.

– А я вот окончила школу, хотела поступить в мединститут. Когда началась война, подучилась в школе медсестер и с тех пор ползаю по этим болотам.

– Теперь у тебя большая практика. Кончится война – станешь классным хирургом.

– Только не хирургом! Если бы ты знал, сколько через мои руки прошло раненых! Рваные раны, вывороченные внутренности, оторванные ноги и руки. Ночью увижу лужу или канаву с водой – чудится, это кровь! Совсем распахивалась! Хуже всего, когда тащишь раненого, а он у тебя на руках умрет...

Мое сердце защемило от чувства жалости к этой девушке, которую я с первого взгляда посчитал пустой и легкомысленной. Немного помолчав, Наташа спросила – вроде бы небрежно, но как мне показалось, со скрытым смыслом:

– А у тебя жена есть?

– Не обзавелся пока – времени не было. Вот, выходи за меня замуж, – неожиданно для самого себя сделал я столь ответственное предложение.

Девушке, по-видимому, понравился такой оборот ночного разговора.

– А ты обижать меня не будешь? Ведь я простая девушка. Чему в школе научилась и то все позабыла.

– Наш лейтенант хороший, не то что этот брехун, Валька Сизов. Ему только бы девке мозги закручивать! – неожиданно вмешался в наш разговор Воронов, который уже успел подключить к проводу свой телефонный аппарат и связаться с огневой позицией батареи. – Сколько я с лейтенантом служу, скоро год будет, никогда от него обиды не видел!

– Вот какие у тебя надежные защитники, с тобой не пропадешь! – изумилась Наташа. – А как ты думаешь, какой брак лучше: по любви или по расчету? .

– В счастливом браке должно быть и то, и другое: любовь сближает людей, а расчет делает брак более прочным.

– На все у тебя есть ответ, вот что значит образование. Ну, я подумаю. Парень ты представительный, не блондин и не брюнет, но нельзя сказать, что и рыжий. Так – всего понемногу.

– Зато у меня усики.

– Хо, нашел чем удивить – усики! У нас в медсанбате майор лежал, вот у него были усы: черные, густые, а кончики вверх смотрят. Картинка!

– Ох, девка, ты и насмешница! – подхохотнул Воронов.

– Вот и неправда! Если хочешь знать, – обратилась Наташа к Воронову, – твой лейтенант очень даже симпатичный. Глаза, правда, я еще не знаю какие, темно было, а нос великоват, это я разглядела. Ну, да это неважно! – Наташа засмеялась. – Не буду тебе больше мешать. Наши, наверно, уже к проволочным заграждениям подползли.

Мы замолчали, прислушиваясь к привычным голосам передовой. Наташа положила голову на вытянутую вперед руку и начала думать, может быть заснула.

Я осмотрелся кругом, Передовая жила своей обычной напряженной жизнью. Где-то далеко справа строчил пулемет, еще дальше за горизонтом изредка вспыхивали зарницы, освещая багровым пламенем низкие облака. Спустя долгое время после этого доходил приглушенный расстоянием звук выстрела дальнобойного орудия. Время от времени начиналась стрельба и на нашем участке. Трассирующие пули прочеркивали во мраке плавные кривые. Взлетали осветительные ракеты и, повиснув на короткое время в воздухе, медленно опускались, освещая унылое болото и кустарники. Одна из них зависла как раз над нами, словно собиралась упасть в нашу воронку. Как искусственное бледное солнце осветила она клочок земли перед моими глазами с выхваченными из темноты неестественно огромными кустами засохшего репейника. Однако небо осталось далеким и темным, только звезды на нем исчезли. Но вот ракета лопнула, рассыпав тысячи искорок, которые словно падающие звезды

прочертили небо и погасли. Тогда снова засияли знакомые созвездия, а млечный путь нехоженой дорожкой устремился откуда-то с высоты за горизонт. «Может быть и эти звезды – только искорки, следы взорвавшейся гигантской ракеты? Они разлетятся и потухнут, и останется только темная смерть. – Тут же я обругал себя за настроение, несоответствующее обстановке. – К чему такие мысли? Нужно жить как Наташа и Боков: делать свое дело и радоваться редкой спокойной минуте.» – Я навел бинокль на то место, где находился блиндаж пулеметчиков противника. Над ним время от времени поднимались красные искорки. – «Неосторожно топят, сволочи, не маскируются,» – обругал я невидимых немцев.

Внезапно впереди, в окрестности неприятельских окопов, началась стрельба. Взлетела красная сигнальная ракета. Я передал команду и наша батарея открыла огонь. Гитлеровцы ответили тем же. Началась общая беспорядочная стрельба, какая часто бывает среди ночи. Через несколько минут, когда кутерьма начата затихать, к воронке подполз Абрамов. Тяжело дыша, он тянул за собой плащ-палатку, на которой лежало чье-то тело. За ним появились остальные. Как оказалось, лейтенант Нелимов был ранен, Сизов рассказал мне, как все это случилось:

– Нас заметили, когда мы еще и к проволочным заграждениям не подползли. Немцы не дураки – они устроили засаду в свежей воронке возле их окопов, на которую мы было нацелились. Вот вам и разведка на четыре «О»! Хорошо, хоть лейтенант наш легко отделался.

Наташа быстро перевязала Нелимова и мы решили вернуться в свои окопы. Молодой лейтенант был ранен в плечо. После перенесенной встряски о н был сильно возбужден и невзирая на боль, от которой прерывался его голос, настоял на том, что сам доложит обстановку начальству. Вскоре он вернулся смущенный и понурый. От его приподнятого настроения не осталось и следа. «Наверно, получил нагоняй», – подумал я.

– Тебя Хозяин вызывает к телефону, – сказал Нелимов, обращаясь ко мне. В голосе его чувствовалась растерянность и обида. Несомненно, еще несколько минут назад он не мог бы даже представить себе, что его, старательного молодого командира, могут так отругать и посулить ему столь жестокую кару за невыполнение приказа.

Я поспешил к аппарату, который находился в блиндаже.

– Ты, артиллерист, в разведку ходил когда-нибудь? – сердитым голосом спросил Хозяин.

– Только поддерживал артиллерийским огнем поисковые группы, – признался я.

– Все равно! Приказываю повторить поиск и назначаю тебя ответственным за проведение операции!

Я вернулся на площадку у Креста, где осталась разведгруппа, и сообщил коротко:

– Хозяин приказал повторить поиск!

Все затихли. Положение представлялось незавидным. Приближалось утро, на горизонте слева появилась уже розовая полоска. Правда, начал подниматься туман, но неприятель был растревожен и лезть сейчас за «языком» казалось безнадежным и опасным. Не знаю, как это вышло, но взоры всех обратились на Сережу Бокова. Он сидел, прислонившись спиной к стене окопа, и докуривал, жадно затягиваясь, самодельную цигарку, докурив, бросил окуроч в сырую глину на дне окопа, встал и сказал отрывисто:

– Пошли!

За ним встали остальные. Мы перелезли по очереди через бруствер и погрузились в поднимающийся туман. Ползти не было надобности, туман закрывал все и по уже знакомому пути мы, слегка пригнувшись, почти бегом направились в сторону неприятельских окопов. Вскоре мы были уже возле воронки, где я сидел два часа назад.

– Дальше идти всем скопом нельзя, – обращаясь ко мне, деловито сказал Боков. – Для захвата неприятельской засады достаточно будет трех человек.

Я понял и мысленно одобрил план молодого, но многоопытного разведчика. Нужно было незаметно подобраться ко второй воронке и попытаться внезапным наскоком ошеломить засевших в ней гитлеровцев. Судя по всему, их там было двое.

– Пойдете со мной вы и Сизов, остальные оставайтесь здесь, – коротко приказал я, Боков и Сизов, казалось, полностью одобрили мой выбор.

Стало светлее, но туман плотной массой закрыл всю низину. Начинаясь ветерок вздымал волны на поверхности пелены тумана, рвал ее в клочья, и тогда на короткое время проглядывало оголенное деревцо или чахлый куст. Потом все снова тонуло в серой мгле. «Вот по этим полям и болотам протянулась дорога моей судьбы. Что она мне сулит, эта дорога: смерть, увечье? Однако, видно Хозяин знал, что делал, когда приказал повторить разведку, – проплыла в моей голове успокаивающая мысль. – Туман нас укрывает.»

Сизов уверенно, бесшумно и быстро двигался впереди меня. Видно, он все же переоценил свою способность ориентироваться на местности. Неожиданно мы услышали приглушенные голоса слева от нас. Если бы немцы сидели тихо, мы потеряли бы нужную нам воронку и напоролись на проволочные заграждения противника. Боков, поравнявшись со мной, сделал рукой движение, показывая Сизову, что он должен обойти воронку сзади справа, мы же приблизились к ней полее. Осторожно подползли мы к краю воронки. Нас наделено укрывали туман и крупные комья земли, так что неприятельские солдаты ничего не заметили. Они мирно сидели на набросанных поверх глины ветках, курили и не спеша переговаривались. Лица их были обращены в сторону наших окопов.

Боков сделал рукой энергичное движение, показывая товарищу, что пора действовать и прыгнул на плечи сидевшего перед ним немца. Повторяя его прием, Сизов обрушился на второго и подмял его под себя. Противник Бокова оказался крупным и, по-видимому, хорошо физически развитым солдатом. Вскочив на ноги, он отбросил от себя значительно уступавшего ему в весе разведчика, словно медведь, отбивающийся от собак. Ухватившись за автомат, лежавший рядом на ветках, наш противник сделал шаг назад, наступив ногой на конус воронки, и прицелился в Бокова, поднимавшегося со дна. Затылок немца с аккуратно подстриженными на шее волосами оказался рядом со мной. Стоя на коленях на краю воронки, я зажал шею противника под сгиб правой руки, задрал ему подбородок, а растопыренными пальцами левой руки ткнул ему в глаза. Охнув от боли и неожиданности, немец все же выпустил короткую очередь из автомата. Боков поднялся, потом к нам присоединился Сизов, успевший связать своего противника и заткнуть ему рот и втроем мы не без труда обезоружили и связали руки отчаянно отбивавшегося от нас гитлеровца.

Когда мы выбрались из воронки с захваченными нами немецкими солдатами, я и Сизов заметили, что Боков ранен.

– Что с тобой, Сережка? – закричал Сизов с тревогой.

– Тише, не кричи! – отозвался Боков. – Этот фашист успел-таки всадить в меня две пули из своего автомата; одну в живот, а другую в ногу.

– Как тебе с такими ранами удалось помочь нам скрутить его! – поразился я. Нужно сказать, что во время схватки здоровенный солдат влепил мне изрядную зуботычину, кровь изо рта стекала на воротник телогрейки. От пинков его огромных сапог ныли ушибы – в боку и на ногах. Я трясся от злости и пережитого напряжения. В том состоянии, в котором я тогда находился, я готов был уничтожить врага.

Состояние Сизова было не лучше, но он, привычный к таким схваткам, думал не о своих болячках. Преисполнившись жаждой мщения за друга, склонный к быстрым действиям Сизов выхватил из ножен длинный трофейный нож и направил его в горло испуганно тарашившему глаза недругу.

– Не делай этого, Валька! Будь ты человеком, – тихо, но отчетливо произнес лежавший у наших ног Боков.

– Очень многого хочешь ты от своего друга! – не удержался я. Однако чувство негодования и ненависти к поверженному врагу уже схлынуло. Передо мной па земле лежал хорошо упитанный крупный светловолосый парень. По щеке его стекала кровь, светлые глаза жалобно моргали. – Сережа прав: это пленный, отведем его к нашему начальству. Пусть будут два «языка».

Медлить было нельзя. Отобрав у Сизова его страшный нож, и заставил пленных встать и, указав рукой направление, скомандовал:

– Геен зи! Шнеллер, шнеллер!

Сизов подхватил своего друга на руки и двинулся немного медленнее вслед за нами.

Мы пробежали метров сто. По учащенному дыханию Сизова сзади меня я понял, что он начал уставать. – «Не сбиться бы только с дороги в этом тумане, – подумал я. – Того и гляди, на мины наскочишь или обратно к немцам забредешь.»

– Мы правильно идем? – окликнул я Сизова.

– Как будто немного правее надо взять, – ответил неуверенно разведчик, оставившись, чтобы передохнуть.

– Товарищ лейтенант, это вы? – раздался голос спереди. К нам подошли Старых и Абрамов. Когда раздалась выстрелы, они решили идти нам на помощь.

Вчетвером дело пошло быстрее и через несколько минут мы были уже у знакомой и обжитой воронки. Наташа хотела тут же перевязать раненого, но Старых решительно запротестовал:

– Сейчас немцы спохватятся, что у них двух солдат из-под носа увели. Такой тарарам закрутят, что в воронке не отлежишься. Не пожалеют ни мин, ни снарядов, чтобы прихлопнуть пленных, да и нас заодно.

– Я хоть жгут на ногу наложу. Кровоточит сильно, – настаивала Наташа.

Я оставил ее с Сизовым у воронки, а Воронову сказал, чтобы он, сматывая телефонный кабель, шел последним. Протянутый по земле кабель давал надежную ориентировку в тумане и выводил прямо к «калитке» в нашем проволочном заграждении.

Соскочив у «Креста» в окоп, я отправил пленных под охраной Старых и Абрамова в блиндаж, а сам решил подождать оставшихся разведчиков. Вскоре на бруствере окопа появилась голова Наташи. Она отбросила капюшон маск-халата и ее светлые спутанные волосы, словно перышки, трепы-хались около раздумывавшегося лица.

– А вот и царевна-лебедь vyplывает из тумана, – приветствовал я девушку.

– Не выплывает, а выползает, – весело улыбаясь, возразила Наташа. – Валька сзади все время шипит, чтобы я ползла на четвереньках вдоль кабеля и показывала ему свой зад. Видите ли, он иначе потеряет ориентировку!

Я протянул ей руку и она, опершись на мое плечо, легко спрыгнула в окоп. Возле моего лица промелькнули ее лукавые светло-карие глаза.

– Как ты сказал: царевна-лебедь? Это ты хорошо придумал, меня так еще никто не называл. Только белому лебедю не мешало бы почистить крылышки!

Туман начал редеть. При свете начинающегося дня я различил медленно приближавшуюся фигуру Валентина Сизова. Он шел в полный рост, не остерегаясь пошвыстывающих пуль. На руках его лежал Сережа, бессильно свесив голову. Он снова показался мне подростком, но странной случайности попавшим на фронт. Мы с Наташей приняли на руки раненого. Сизов спрыгнул в окоп и присел на землю, чтобы отдышаться. Однако я не дал ему времени на отдых:

– Сейчас немцы начнут обстрел нашего участка. Нужно укрыться в блиндаже.

Наташа подхватила Бокова за плечи, Сизов за ноги и они побежали по ходу сообщения. Выглянув из окопа, я увидел Воронова, возившегося возле нашего проволочного заграждения.

– Что у вас, Воронов, – нетерпеливо окликнул я его.

– Товарищ лейтенант, провод попал между колючками, никак не отцеплю, – тревожно ответил связист. На шее его висел телефонный аппарат, а сбоку полная катушка, на которую он пытался смотать остаток кабеля.

– Бросай катушку и тотчас беги в окоп, – скомандовал я.

Воронов, не раздумывая, освободился от тяжелой ноши и через несколько секунд был уже у окопа. Как раз в это время две мины, одна за другой, словно предшественницы приблизившейся грозы, завывая, упали на наше проволочное заграждение. Перед тем как разорваться они шипели так, словно попав на раскаленную сковородку, хотели во чтобы то ни стало изжариться. На это ушло две–три секунды, не более, но за это время Воронов успел скатиться в окоп и осколки пролетели над нашими головами. Мы побежали к спасительному блиндажу: глубоко вкопанный в основание небольшого холма, с тремя накатами толстых бревен блиндаж был тем самым местом, где нам не терпелось укрыться.

Старый сибиряк был прав: противник не пожалел огневых средств, чтобы уничтожить все живое на нейтральной полосе и прилегающем к ней участке нашей обороны. Вслед за минами посыпались снаряды все возрастающего калибра. Почти все они падали за нашими спинами на нейтральной полосе и, хотя взрывались с ужасающим грохотом, не очень то нас пугали. Но вот один из них, казалось, был специально предназначен для того, чтобы ударить мне в спину. Он свистел и подвывал, приближаясь, солидным низким тоном, соответствующим его калибру. Скрыться от

него было некуда. Словно в кошмарном сне, но сугубо реальное овладело мною ощущение, что моя шея лежит на рельсе перед мчащимся с бешеной скоростью поездом. Натренированный слух не обманул меня: снаряд действительно попал в самый ход сообщения, но к счастью не разорвался. – «Видно сегодня не пришло еще время писать на меня похоронную, – промелькнула в голове ехидная мысль. – Никогда бы не поверил, что на нашем участке, считавшимся тихим, у противника сосредоточено столько артиллерии и минометов. Не хватает еще, чтобы танки пошли!»

Спотыкаясь и падая, оглушенные, покрытые грязью, мы с Вороновым добрались до заветного блиндажа и ввалились в узкий проход. Увидев телефон, стоящий на снаряжном ящике у входа, я бросился к нему:

– Савельев, что там у тебя? – захрипел я в трубку.

– Наш НП весь разбило и засыпало землей, да и все кругом – одни воронки. Уж такого сабантуя я, товарищ лейтенант, давно не видел.

– Танков не видно?

– Никак нет, товарищ лейтенант. Хотя меня всего землей засыпало, а танки я бы разглядел.

Невозмутимость Савельева успокоила меня. Оглядевшись, я увидел, что все наши разведчики и пленные немцы сидят с левой стороны блиндажа. Наташа завладела широкими нарами справа. С помощью Абрамова она натянула над нами плащ-палатку. Подостлав на нары другую плащ-палатку, она достала из своего вещевого мешка чистую белую простыню и уложила на нее Бокова, с которого его друг Сизов уже успел стащить все обмундирование.

Наташа сбросила с себя все лишнее и осталась в короткой юбке и безрукавке. Соколов полил ей из чайника и она тщательно вымыла свои длинные руки, голые до плеч. Все как замороженные следили за ней, а Сизов бесцеремонно устался на упругую грудь, обрисовывавшуюся под тонкой тканью.

Не обращая внимания ни на грохот продолжающегося обстрела, ни на устремленные на нее взгляды, Наташа дала Бокову выпить стаканчик желтоватой жидкости, обработала спиртом и йодом рану на боку и начала ее зашивать. Я подивился хладнокровию и собранности с первого взгляда простой и легкомысленной девушки: все ее медицинское оборудование было на месте, она ничего не искала, движения были точные и уверенные. Абрамов помогал ей, подавая как на обычной хирургической операции то один, то другой инструмент. Все это, оказывается, хранилось в объемистой сумке с красным крестом на передней стороне. Покончив с первой раной, она перевязала ее и занялась простреленным бедром Бокова.

Тут я вспомнил, что нужно доложить Хозяину о результатах проведенного ночного поиска.

– Соедини меня с Хозяином, – сказал я Соколову.

– Связь не работает, товарищ лейтенант, – с виноватым видом признался связист. – Видно, как начался обстрел, провод где-то перебило. Вот кончится обстрел, враз восстановим, – закончил он ожидающе.

Должно быть, мне следовало взорваться от негодования, накричать на нерадивого сержанта и потребовать, чтобы линию связи немедленно исправили. Кажется, связист именно этого ожидал и уже внутренне подготовился бежать по линии, посадив

вместо себя у телефона Воронова. Однако мною овладела усталость и даже какая-то апатия. Действительно, куда спешить? Посылать людей сейчас искать обрыв и подвергать их смертельной опасности, не было необходимости.

– Как только восстановится связь, скажешь мне, – согласился я. Соколова, конечно, вполне устраивал такой хладнокровный подход к развитию событий. Он молча поднес руку к пилотке и стал, прижав к уху, напряженно вслушиваться в голоса, по уцелевшим проводам бежавшие в осажденный блиндаж из внешнего мира. В это время противник перенес огонь своей артиллерии с нейтральной полосы на наши позиции. Снаряды падали один за другим, почти без перерыва, грохот их разрывов, приглушенный толстым слоем земли, доносился со всех сторон. Мой враг – Тарантул – немецкий офицер с НО, конечно, хорошо знал, где расположен блиндаж его противника. Он умело сосредоточил на нем всю мощь подвластного ему огня. Делать было нечего: все сидели молча, ожидая истощения сил неприятеля. Немецкие пленные сидели, понуро опустив головы, и иногда вздрагивали. Догадывались ли они о том, что весь этот сабантуй – проявление злобы их бывшего начальства?

Неожиданно на обращенную к противнику сторону холма, в который был врыт блиндаж, попал крупный снаряд. От передавшегося по земле толчка наше укрытие содрогнулось, с потолка между щелями посыпалась сухая глина, а снарядная гильза с керосином, освещавшая подобие хирургического стола, где колдовала Наташа, едва не свалилась с ящика.

– Держи крепче лампу, – невозмутимо сказала она.

Я снова подивился ее хладнокровию и предусмотрительности. Ведь если бы она не догадалась натянуть сверху плащ-палатку, вся земля посыпалась бы на открытые раны! По-видимому, она не в первый раз перевязывала раненых под обстрелом.

Между тем Наташа закончила обработку второй раны и занялась ее перевязкой.

– Опасные ранения у Бокова? – решил я спросить у нее.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Ничего серьезного. Поцарапан левый бок и сквозное пулевое ранение левого бедра. Кость не задета. Через месяц будет в строю!

Здесь Сизов не выдержал и охрипшим голосом с обидой закричал:

– Как это так «Ничего серьезного?» Если у меня голову оторвет, так ты тоже скажешь: «Легкая травма в области черепа!»

– Тебе без головы спокойнее будет, – насмешливо возразила Наташа, переходя к обычной пикировке с ухаживавшим за ней разведчиком. Она уже закончила перевязку, дала Бокову еще выпить бодрящей жидкости и помогла Абрамову укрыть его поверх простыни теплым одеялом.

Сережа открыл глаза.

– Как настроение, Серега? – нарочито громким и бодрым голосом обратился к нему Сизов.

Боков сощурил глаза и попробовал улыбнуться:

– Порядок! Сейчас ничего, а то думал – пришел мне капут. Посмотрела на меня Смерть своим черным глазом из дула автомата, когда валялся я под ногами у этого фрица.

– А теперь сама Жизнь склонилась над тобой в образе Наташи, – пробормотал я, ни к кому не обращаясь. Вряд ли кто-нибудь обратил внимание на мою реплику.

Обстрел внезапно прекратился, но мы продолжали сидеть на прежних местах.

– Есть связь с Хозяином, – радостно закричал Соколов, нарушив воцарившуюся в блиндаже тишину.

Я поспешил к аппарату.

– Товарищ восьмой! Докладывает тридцать пятый, – начал я неожиданно громко кричать в трубку, как если бы кругом рвались снаряды и нужно было перекрыть их грохот.

– Чего ты кричишь, Новиков? Говори нормально!

– Докладываю: разведывательная операция прошла успешно. Захвачены два солдата противника.

– У немцев или на нейтральной полосе никого не оставил? – спокойно прервал меня Хозяин.

– Никого не оставил.

– Потери большие?

– При захвате пленных две серьезные раны получил разведчик Боков.

– Будет жить?

– Медсестра Маслова говорит, что через месяц будет в строю.

– Ну, если Наташка говорит, значит так и будет!

В трубке послышалось скрипение старых колес на ржавой оси, а потом какое-то кудахтанье. Я догадался, что Хозяин смеется.

– Объявляю всем благодарность! Составь подробный рапорт об операции для представления всего состава разведгруппы к награждению!

– Есть, составить рапорт! – радостно отчеканил я.

Я передал мой разговор с Хозяином присутствующим. По правде говоря, в этом не было необходимости. Громкая телефонная трубка позволяла слышать во всем блиндаже все, что говорил Хозяин. Кто-то открыл дверь блиндажа и неяркий луч осеннего солнца просочился в наше убежище. Наташа достала из вещевого мешка новенькую гимнастерку, и на ее груди засиял, засверкал, вспыхнул ярким пламенем среди других наград прославленный боевой Орден Красного Знамени.

– Смотри Сергей, – завороченно уставившись на грудь девушки, закричал Сизов. – Скоро и у тебя будет такой же. Уж мы с лейтенантом напишем такой рапорт, что тебя Хозяин не обойдет.

– Знаю я по твоим письмам домой какой ты сочинитель, – слабо улыбнулся раненый. – Такое нагородишь, что никто не поверит. Пусть лучше лейтенант сам пишет: точно, все как было, ничего не прибавляя и не убавляя.

Все засмеялись, даже пленные, конечно, не поняв шуток; заулыбались.

– Зачем же так конфузить своего верного друга? – сам не удержавшись от улыбки запротестовал я. У Сизова большой опыт и наблюдательность, – это не плохо. Он мне очень даже поможет.

Со стороны тыла, постепенно приближаясь, слышалось постукивание котелков. Жизнь продолжалась. Шел восемьсот шестьдесят третий день войны.

ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

Его фамилия была Клятченко, но между собой мы звали его всегда Проклятченко. Старший лейтенант с такой многообещающей фамилией был назначен недавно начальником штаба нашего отдельного артиллерийского дивизиона.

Через два дня после вступления в должность новый начальник штаба решил провести на своем командном пункте ученье всех командиров батарей и взводов дивизиона. В телефонограмме было указано, что прибыть нужно точно к 9.00, имея с собой всю документацию батарей, касающуюся ведения огня. Это распоряжение застало нас всех – офицеров первой батареи – ранним утром на НП и вызвало бурное негодование командира нашей батареи капитана Леонтьева.

– Пусть он дурака не валяет, – заявил капитан. – Противник проявляет активность и вызывать весь офицерский состав с боевой позиции в тыл – это, по крайней мере, головотяпство.

Капитан Леонтьев с мрачным видом покрутил кончик рыжего уса, свисавший ему на подбородок. Это был уже пожилой кадровый офицер и его, скорее всего, возмутило не само распоряжение нового начальника штаба, а то, что он – заслуженный боевой командир, – должен будет явиться по вызову никому не известного штабиста, ниже его по званию.

Остыв немного, капитан язвительным тоном добавил, обращаясь ко мне – командиру огневого взвода, и к Белову – командиру взвода управления:

Поезжайте вы к 9.00 с документацией и скажите, что у капитана Леонтьева живот болит и он не может явиться самолично по вызову старшего лейтенанта Проклятченко.

Нам — двум молодым лейтенантам — проблема престижа представлялась не стоящей внимания. Вызвав лошадей и ординарца, мы отправились в недалекий путь: до штаба дивизиона от нашего НП было не более трех километров. Стояло свежее майское утро. Ночью прошел проливной дождь, и копыта лошадей звучно чмокали по непросохшей еще земле и лужам, разбрасывая грязь. Лошади, весело пофыркивая, без понукания бежали, довольные утренней разминкой. Сначала наш путь пролегал по дну неглубокого оврага, затем начался редкий лесок. Поминутно нагибаясь, мы все же не могли избежать ударов мокрых ветвей и скоро наши гимнастерки изрядно промокли.

– В каком виде я предстану пред грозными очами Клятченко-Проклятченко! – сокрушался Белов. Он очень следил за своей внешностью, всегда был одет щеголевато и гордился своими новыми хромовыми сапожками и маленькими черными усами. Белов был красивый, чернобровый и рослый парень. – “Даже если ему выщипать усики, он мог бы поразить воображение любой девушки, носящей гимнастерку. Усики же придают его внешности нечто героическое и делают его воистину неотразимым”, – утверждала во вчерашнем нашем разговоре санинструктор Зоя Седова. Однако ее светло-карие глаза что-то подозрительно лукаво шурились. Мы с Беловым жили в одной землянке и он очень ценил меня как терпеливого и внимательного слушателя всех его любовных историй.

– Вдруг мы приедем в штаб дивизиона и там окажется Верка? – улыбаясь предположил Белов. – Почему бы ей и не оказаться там?

Вера Игнатова работала в штабе дивизии, где имела какое-то отношение к картам и иногда заезжала в наш дивизион. Белов много рассказывал мне о своем последнем увлечении.

Мы приехали минут за двадцать до назначенного срока. В штабе оказался только писарь Женя Кудрявцев, молодой светловолосый и светлоглазый парень, тихий и застенчивый. Он не переносил разговоров о женщинах: в критические минуты его покрытые легким пушком щеки краснели, словно их кто-то изнутри подкрашивал киноварью, он вскакивал и убегал, что вызывало всеобщее веселье. Я не подтрунивал над ним, как прочие, и он выражал свою благодарность тем, что прощал скверный почерк моих рапортичек.

Вскоре подошли командир второй батареи старший лейтенант Мулдахметов – пожилой казах с непроницаемым скуластым лицом – и два его командира взвода: совсем молоденький, только что закончивший училище младший лейтенант Еремин и грузный одутловатый лейтенант Вершинин. Точно в девять часов дверь избы, в которой помещался штаб, открылась и появился с любопытством ожидаемый всеми нами Клятченко. Его внешний облик вполне соответствовал фамилии. Среднего роста, сухой и тощий как высохший клоп, с желтым лицом, узкими бескровными губами и глубоко запавшими темными маленькими глазками, он, казалось, излучал недоброжелательность. Ему было лет двадцать семь, но когда он снял фуражку, то под ней обнаружилась продолговатая лысина, плохо скрытая жидкими волосами, зачесанными на косой пробор.

Выслушав рапорт Белова о том, что капитан Леонтьев не смог явиться по причине болезни, Клятченко хмуро скривил губы и сказал с иронией:

– Я так и знал, что он не придет: гонор одолевает...

Начался просмотр схем огня и другой документации. Клятченко нашел множество погрешностей в оформлении карт и схем. Он отмечал их не без удовольствия, все время напоирая на то, что на ошибках учит всех нас и мы за это должны быть ему благодарны. Признаться, особой благодарности к нему мы не испытывали.

Клятченко промучил нас часа два. Наконец, приказав переоформить всю документацию и прислать ему срочно точные координаты огневых позиций и наблюдательных пунктов, он нас отпустил.

– Зачем ему координаты? – недоумевал после выхода из штаба Мулдахметов.

– Должно быть, чтобы можно было в какой-то момент сосредоточить огонь всего дивизиона на одной цели, – нерешительно сказал Еремин. – В Училище нам говорили о возможности таких действий.

Составить таблицу координат было нетрудно. Через два часа я уже отправил ее в штаб дивизиона.

Утром следующего дня, когда батарея была занята чисткой материальной части, пришел замполит дивизиона капитан Рябинин. Он был опытным партийным работником; проводя беседы с бойцами, говорил, казалось бы, очень просто, но умел построить свой рассказ захватывающе интересно. Признаться, я завидовал ему: когда я про-

водил политинформации, то, несмотря на все мое старание и ораторские ухищрения, часть бойцов обычно дремала. Рябинина же все слушали с напряженным вниманием.

Я собрал всех бойцов моего взвода на одной из огневых площадок, Рябинин уселся на лафет и начал свой неторопливый рассказ о свежих новостях с фронтов, о международном положении и о делах в батарее. Он уже заканчивал свою беседу, когда послышался свист летящего снаряда. Последовал грохот разрыва, и огромный столб земли взметнулся ввысь на некотором расстоянии от площадки. Нетрудно было сообразить, что нас обстреливают из дальнобойных орудий. Я дал команду расчетам укрыться в положенных им местах, а сам вместе с Рябининым улегся на дно небольшого, но глубокого окопа. Обстрел продолжался, снаряды падали и разрывались, а мы лежали и ждали, что один из них упадет вблизи окопчика и поднимет наши останки на высоту восьмизэтажного дома.

Наконец, обстрел прекратился, и мы с Рябининым пошли посмотреть на его результаты. К счастью, все снаряды упали в стороне от нашей огневой позиции.

– Вот это воронки! Диаметром, наверно, с танцплощадку в сельском клубе, – пошутил Рябинин. Его широкое, покрытое крупными оспинами лицо, осталось спокойным, но немного покраснело от пережитого волнения. – Удачно выбрал я время для проведения политбеседы в вашей батарее! Будь немцы поточнее, все вместе взлетели бы к небесам...

Меня вызвал по полемому телефону командир батареи. Его наблюдательный пункт, где он находился вместе с Беловым и разведчиками, также подвергся обстрелу, но все снаряды разорвались в стороне, и никто не пострадал.

Во мне заговорила артиллерийская жилка. Я не поленился составить полную схему расположения воронок от разорвавшихся снарядов. Измерив шагами расстояния между ними, я нанес все точки на планшет и определил положение центра эллипса рассеяния. Оказалось, что он находится на расстоянии двухсот метров от нашей огневой позиции. – “Хорошо, что кто-то ошибся на двести метров, – подумал я, – иначе от всех нас осталось бы печальное воспоминание”. Внезапная догадка пришла мне в голову: я вспомнил, что накануне по приказанию Клятченко переслал в штаб дивизиона координаты основных точек батареи. Не был ли Клятченко скрытым врагом, передавшим эти данные противнику? Если так, то дошли ли они в неискаженном виде до немецкого артиллериста, который ими воспользовался? Тотчас позвонив в штаб, я попросил Женю Кудрявцева продиктовать мне все числа, которые он отправил в штаб дивизии. Сличив их с сохранившимся у меня черновиком, я сразу обнаружил ошибку: в одном случае вместо тройки стояла пятерка. При моем неразборчивом почерке писарь принял тройку за пятерку, а это дало смещение координаты как раз на двести метров в нужную сторону.

Итак, добрым гением, спасшим батарею от гибели, был писарь Женя Кудрявцев, который перепутал по моей вине одну из координат. Но кто спас наблюдательный пункт, где были во время обстрела Белов и капитан Леонтьев? И почему артиллерийский огонь обрушился только на нашу батарею? Ведь вторая батарея находилась в тех же условиях: Клятченко, которого я подозревал в шпионаже, несомненно передал противнику координаты и второй батареи. Я взял карту, нанес на нее предполагаемое положение неприятельских дальнобойных пушек и убедился, что из-за неровностей

местности вторая батарея была вне пределов досягаемости немецких орудий. По-видимому, опытный и высококвалифицированный немецкий артиллерист знал, что делал, открывая огонь. Но почему он допустил ошибку с нашим НП?

Мои размышления на эту тему были прерваны приездом гостей. На небольшой, но резвой темно-гнедой кобылке к землянке, где я сидел, подскочила незнакомая мне женщина в форме младшего лейтенанта, в сопровождении ординарца.

– Вера Ивановна Игнатова, я из штаба дивизии, – отрекомендовалась она, добавив что-то невразумительное о цели своего приезда.

– По этим вопросам вам лучше всего обратиться к лейтенанту Белову. Я сейчас его вызову, – галантно ответил я, без труда оценив обстановку.

Вера благодарно улыбнулась и мы с ней в ожидании прихода моего компаньона по землянке принялись обсуждать намечающиеся на ближайшие дни перспективы передвижения нашей дивизии. Я имел возможность хорошо рассмотреть мою собеседницу. Это была девушка лет двадцати двух. Ее не очень высокую и скорее плотную, чем стройную, фигуру прекрасно облегла новенькая форма. Короткие хромовые сапоги позволяли видеть мускулистые ноги. Однако в целом она мне не очень понравилась: массивный подбородок портил очертания лица, а в насмешливых острых глазах было много дерзости и, я бы сказал, нахальства.

– Чем вы занимаетесь в штабе дивизии? – спросил, между прочим, я.

– Вы не поверите, какие это пустяки, – засмеялась она. – Сижу и вычерчиваю на картах квадратики и стрелки. Вот и все мои занятия.

– Прибежал запыхавшийся Белов со счастливыми глазами, и я скромно ретировался, оставив его наедине с нашей гостьей.

Мои мысли вернулись к утреннему обстрелу. Если Клятченко сумел передать координаты батареи, то он же сможет, конечно, скорректировать огонь немецкой артиллерии. Следует ждать повторного огневого налета с губительными для нас последствиями. Я разыскал капитана Леонтьева и поделился с ним своими соображениями. Оказалось, что он уже думал об этом. Мы решили перевезти орудия на запасную позицию и без шума осуществили эту операцию как только стемнело. Как мы и предполагали, ранним утром обстрел возобновился и от того места, где были накануне пушки, остались сплошные воронки. Наблюдательный пункт также был полностью разрушен прямым попаданием крупнокалиберного снаряда. Естественно, что на нем никого и ничего уже не было. Замечу, что после бурно проведенного вечера лейтенант Белов крепко спал в нашей землянке, лишь невнятным мычанием реагируя на грохот разрывавшихся вблизи снарядов. Когда он наконец проснулся, обстрел уже закончился. Он вышел без гимнастерки из землянки и попросил полить ему из котелка воды на руки, чтобы умыться. Вытирая покрасневшие от холодной воды лицо, Белов спросил меня:

– Ну, как тебе понравилась Верка?

– Не очень понравилась, – откровенно ответил я. – По-моему, в ней мало женственности.

– Ты бы провел с ней несколько часов в землянке, – захохотал Белов, – сразу убедился бы, что женственности в ней хватит на всю батарею!

Довольный собой и своей шуткой, Белов, рассматривавший в маленькое зеркало свое лицо, лихо подкрутил кончики черных усов.

Я решил поделиться своими подозрениями в отношении Клятченко с Рябининым. У нас с ним установились откровенные и дружеские отношения. Кроме того, он был в известном смысле моим “крестным отцом”, так как недавно дал мне рекомендацию для вступления в партию. Благоприятный случай для разговора вскоре представился. Рябинин пришел на нашу разрушенную огневую площадку. Мы остановились около гигантской воронки, образовавшейся в том месте, где вчера лежали в окопчике. Я полагал, что обстановка благоприятствует серьезному разговору.

Рябинин выслушал меня внимательно, затем обошел вокруг воронки и снял фуражку, подставив под лучи утреннего солнца свою коротко остриженную сидящую голову. Положив фуражку на траву, он покрутил руками, как бы занимаясь утренней зарядкой, и посмотрел на свежеумытое яркое синее небо по которому медленно плыло легкое белоснежное облачко.

— Я не уверен в том, что Клятченко можно подозревать в передаче шпионских сведений, — раздумчиво сказал он наконец. Служит он у нас недавно, но пришел с хорошими рекомендациями дисциплинированного и исполнительного офицера. Конечно, наш дивизион крупнокалиберных пушек представляет большую опасность для немецких танков: это не то что обычные полковые пушки, поэтому интерес противника к нашему дивизиону вполне оправдан. Все же правильно будет искать врага в штабе дивизии. За Клятченко же будем следить оба и в оба глаза!

На этом мы расстались. Клятченко вызвал меня в свой штаб и потребовал объяснительную записку о причинах перевода батареи на запасную позицию. Я написал ее в очень осторожной форме, сославшись на приказ командира батареи. Клятченко, кажется, этим удовлетворился. Мы с ним вместе прошли на новую огневую площадку и стали рассматривать карточки противотанкового огня каждого орудия.

— Вы, небось, определяли расстояния до ориентиров «на глазок», — ехидно заметил он. — Вот нас в свое время учили, что надо сделать измерительную бечевку длиной, скажем, пятьдесят метров, и с этой бечевкой точно промерить все нужные расстояния.

— При неровном рельефе местности такой метод дает большую погрешность, — спокойно возразил я. — Я посылал к каждому ориентиру бойца с рейкой двухметровой длины, а сам смотрел в бинокль и измерял угловые размеры рейки. Стоит разделить длину рейки на ее угловой размер и вы получите дистанцию до ориентира.

Клятченко ничего не ответил, но закусил губу. Убедившись, что я не хуже его разбираюсь в тонкостях артиллерийских вычислений, он, кажется, возненавидел меня. Впрочем, такую же неприязнь он проявлял и к молоденькому Еремину. У того в голове прекрасно уложилась вся артиллерийская наука и при “ученьях” в штабе дивизиона он, случалось, сажал грозного начальника в лужу.

Увы, ни я, ни Еремин недооценили способности Клятченко устраивать пакости!

Наша дивизия перешла в наступление, но за первый день смогла продвигаться лишь на несколько километров. Противник занял выгодные оборонительные рубежи, сильно укрепив огневые точки, и наша пехота залегла в крайне неблагоприятных условиях: огонь пулеметов и минометов не давал буквально головы

поднять. Наша батарея постреляла немного с закрытой огневой позиции, но результат был незначительным.

Утром следующего дня командира нашего дивизиона майора Лукачева вызвали к командиру дивизии и Клятченко остался на некоторое время полновластным хозяином положения. Он не преминул воспользоваться представившейся ему возможностью проявить свое служебное рвение и воинское искусство, а заодно показать мне и Еремину дистанцию между начальником штаба и нами. Вызвав к себе, он, прежде всего, обрушился на нас с незаслуженными упреками:

– Наша пехота истекает кровью, а вы отсиживаетесь в укрытии! Воображать себя выдающимися знатоками артиллерии и позволять себе насмешки над вышестоящим командиром – это вы можете, на это ваших способностей хватает! Но со мной шутки плохи! Я как старший командир дивизиона имею право распоряжаться вами по своему усмотрению, а вы обязаны выполнять мои приказы, как бы это ни было опасно для жизни!

Клятченко встал и принял героическую позу, вздернув подбородок и заложив руку за обшлаг кителя.

– Быть может, в моих руках сейчас судьба дивизии, – продолжал он, хорохорясь. – На войне бывает, что удачное и своевременно сделанное распоряжение решает успех операции. Почему бы мне не показать себя как военачальника крупного масштаба?

Клятченко еще более распетушился. Его маленькие глазки торжествующе сверкали, а узкие губы кривились в каком-то подобии усмешки. Мы с Ереминым, изумленные и подавленные, молча слушали излияния нашего начальника. Насладившись сознанием своего могущества и нашей беспомощности и немного успокоившись, Клятченко продолжал:

– Приказываю вам отправиться на командный пункт командира батальона капитана Сороченко и уточнить с ним схему целей для первой и второй батарей!

Он показал нам на карте местоположение батальона Сороченко и мы поспешили уйти. Круглолицый розовощекий Еремин, на губах которого обычно светилась улыбка, был совершенно раздавлен. Он с недоумением вытер рукой пот со лба и пригладил светлые волосы. Я был не в лучшем состоянии.

– Он, наверно, псих, – сказал Еремин, – У него мания величия.

– Если не хуже, – ответил я. Мне показалось, что Клятченко догадался о моих подозрениях о его связи с врагом и решил отделаться от меня, послав в гиблое место.

Мы отправились выполнять приказ. По мере приближения к передовой грохот пулеметной и минометной стрельбы становился все оглушительней. На этом звуковом фоне, перекрывая его, резкими болезненными для уха всплесками, выделялись выстрелы орудий. Мы миновали молодой березовый лес с редкими высокими деревьями. На вершине одного из них находилось “воронье гнездо”, предназначенное служить наблюдательным пунктом, однако в нем никого не было. Разведчик, которому очевидно было поручено вести наблюдения, сидел у подножия дерева и меланхолично грыз сухарь. Увидев нас, он вскочил и смущенно пояснил, показывая на верхушку дерева:

– Стреляют – спасу нет! Сидеть там никак невозможно.

Мы расспросили его о том, где находится командный пункт Сороченко, и он вызвался показать его. Низко пригибаясь, мы вышли на опушку низкорослого березняка, и разведчик показал на большую кочку впереди, возле которой виднелись замаскированные завядшей травой следы свежевырытой глины.

Как только мы с Ереминым вышли из леса, немцы заметили нас и стали поливать очередями из двух пулеметов. Не знаю как, но нам все же удалось невредимыми добраться до окопчика. Здесь нас встретил изощренной бранью капитан Сороченко.

– Нашли место для прогулок! Видно на тот свет торопитесь? Передайте вашему Клятченко-Проклятченко, чтобы он не лез не в свое дело. Вы же видите какая обстановка: головы поднять нельзя, а ему подавай документацию. Убирайтесь отсюда и не демаскируйте мой КП, – закончил Сороченко со свирепым лицом.

Изрядно сконфуженные, мы отправились обратно, не обращая внимания на пули, взрывавшие землю у наших ног. Вскоре к ним присоединились разрывы мин, однако все они ложились впереди нас. По-видимому, немецкий минометчик был уверен, что мы побежим и назначал прицел с упреждением на наше поспешное бегство. Мы же со спокойствием отчаяния шли неторопливым шагом, мирно беседуя о наших невзгодах. Наконец, мы достигли спасительного леса и скоро были уже в безопасности.

Вернувшись в батарею, я нашел ее готовой к продвижению вперед. Майор Лукачев получил предписание выдвинуть орудия на передовые рубежи и прямой наводкой бить по наиболее активным вражеским огневым точкам. Стрелять прямой наводкой было для нашего командира любимым занятием и он с радостью готовился выполнить этот приказ. Майор Лукачев, еще совсем молодой офицер, был, несомненно, выдающимся артиллеристом. Он получил боевое крещение в первые дни войны, отличился под Сталинградом и, естественно, был предметом восхищения и подражания всех молодых офицеров дивизиона. Внешность его была поистине героической: высокий, статный, с широкими плечами, смуглым волевым лицом и властными глазами, он, казалось, был призван вести сокрушительный огонь в пылу сражения.

Выслушав мой рапорт, Лукачев коротко приказал:

– Забирай второе орудие и отправляйся помогать Сороченко!

По знакомой дороге я быстро доставил нашу пушку к дереву с “вороньим гнездом”. Отсюда, подрезая кое-где молодые березки, мы выбрались на опушку леса, как раз напротив кочки командира батальона. Я хорошо запомнил положение немецких пулеметов, которые час назад пытались подстрелить меня и Еремина. С первого выстрела один из них взлетел в воздух, второй вскоре последовал за ним. Тогда я принялся за минометчиков и с помощью нескольких выстрелов вывел их из строя. Немцы пытались отстреливаться из мелкокалиберной пушки, однако им не удалось устоять против огня нашего мощного орудия.

Капитан Сороченко вылез из своего убежища. Лицо его уже не было свирепым. Он любовно похлопал рукой по сильно разогревшемуся стволу пушки.

– Ну, бог войны, посмотрим, что ты здесь наворочал, – довольно усмехаясь, сказал он.

– Бог войны – это майор Лукачев, – пытаюсь быть серьезным, ответил я, не забыв еще брани, услышанной от Сороченко совсем недавно.

– Не скромничай, если не бог войны, то, по крайней мере, божок батальонного значения, – засмеялся Сороченко. Он показал мне еще несколько целей и вскоре батальон смог без потерь занять вражеские позиции. К радости бойцов, не евших уже целые сутки, прибыла походная кухня. Все потянулись к ней со своими котелками. Я и представить бы себе не мог, что на этом поле зарылось в землю и замаскировалось так много бойцов! Сороченко распорядился и нашему орудийному расчету выдать по котелку каши.

– Запомни, солдату лишний раз пообедать никогда не помешает, — пошутил он, когда я сказал ему, что мы недавно обедали. После такого заявления ничего не оставалось делать как, расположившись на лафете, приняться за горячую кашу с мясом.

Сломив оборону противника, наша дивизия вырвалась вперед и стремительным броском к середине третьего дня наступления продвинулась почти на тридцать километров. Она значительно опередила соседей справа и слева, что создало угрозу фланговых ударов противника. Закрепившись на занятых рубежах, мы стали готовиться к отражению контрудара. Схему противотанковой обороны, разработанную в штабе дивизии, привезла Вера Игнатова. Она передала ее Клятченко, а после этого заглянула в нашу батарею, где мы с Беловым усердно изучали местность. Белов стал жаловаться ей на каверзы Клятченко, который день ото дня становился все придирчивее, раздавая самые несуразные приказания и требуя их неукоснительного выполнения.

– Неужели в дивизии не видят, что для нашего боевого дивизиона Клятченко не подходит? Могли бы подобрать нам другого начальника штаба, – стал возмущаться я.

– Могли бы, да никто этого не сделает, – усмехнулась Вера. – Разве вы не знаете, что Клятченко – родственник третьей жены генерала Полозкова?

– Остается ждать, пока генерал заведет себе четвертую жену, – захохотал Белов.

– Вам придется долго ждать! Третья жена крепко держит сердце генерала в своих бархатных лапках, – в тон ему пошутила Вера.

Приход Клятченко и Рябинина положил конец обсуждению этой увлекательной темы. Клятченко указал местоположение орудий первой батареи согласно схеме, присланной из штаба. Орудийные расчеты начали земляные работы, а я с разведчиком Семеновым занялся составлением схемы ориентиров.

— Вот там хороший ориентир: видите, у самой дороги отдельное дерево со сломанной верхушкой, – вмешался Клятченко в мою работу.

Ориентир был действительно хороший, я и сам его давно заметил. Пометив его на карточке противотанкового огня, я на глазок определил расстояние до него в два километра. Клятченко, следивший за моей работой, снова вмешался:

– Расстояние нужно определить точнее, ведь по этой дороге могут пойти танки. Пошлите туда солдата с рейкой и уточните расстояние по вашему хваленому методу.

Как видно, Клятченко запомнил недавний урок по определению расстояний до ориентиров и разобрался в указанном мною методе. Однако воспользоваться им теперь было невозможно: дерево со сломанной верхушкой находилось на нейтральной полосе и вся местность вокруг несомненно простреливалась с соседних высоток. Я указал на это Клятченко.

– Всегда вы препираетесь со мной, – взорвался он. – На войне часто приходится рисковать, а вы известный любитель спокойной жизни. Должны же мы знать точное расстояние до ориентира? Ведь вблизи могут пройти немецкие танки!

– Я определяю это расстояние другим методом, – подавляя возмущение и стараясь говорить спокойно и деловито, продолжал я. – Разведчик пойдет с рейкой на соседнюю высотку, – я указал рукой ее на местности. – По угловым размерам рейки мы определим точное расстояние высотки от нашего НП. Затем замерим углы по ориентирам с НП и с высотки, я на планшете построю соответствующие треугольники и без всякого риска для разведчика найду все нужные дистанции.

– На это уйдет масса времени, — все более распаляясь, закричал Клятченко. — Вы своими сантиментами сорвете выполнение задания командования, а отвечать придется мне! Что значит жизнь одного солдата, когда речь идет о выполнении боевого задания? Я приказываю немедленно приступить к выполнению моих указаний!

Скрепя сердце, я вручил рейку Семенову, уже пожилому и выдавшему виды ефрейтору, и объяснил ему что и как нужно делать, предупредив о необходимости быть поосторожней. Но тут вмешался Рябшин, который, стоя рядом с биноклем в руках, осматривал местность.

– Товарищ старший лейтенант, зачем вы вмешиваетесь в работу командира взвода? – официальным тоном обратился он к Клятченко. – Пусть командир взвода сам решает, каким путем ему проводить измерения. А играть жизнью подчиненных никогда не следует! Жизнь любого воина, солдата или офицера драгоценна и мы должны решать боевые задачи и добиваться победы малой кровью. Долг командира беречь своих людей. Я как замполит дивизиона считаю ваш приказ неправильным. Отмените его!

– Приказ командира — закон, он должен быть выполнен любой ценой, — зашипел Клятченко.

Мы с Семеновым с напряженным вниманием прислушивались к высказываниям Рябинина, которые мне казались вполне справедливыми и уместными. Неожиданно за нами нас появились майор Лукачев и командир батареи Леонтьев. Майор был очень зол.

– Кто выбрал эту дурацкую огневую позицию? – закричал он на Клятченко.

– Эта позиция выбрана не мною, – трусливо вобрав голову в плечи, ответил наш недруг. – Позиция первой батареи точно соответствует схеме противотанковой обороны, присланной из штаба. – Клятченко развернул перед Лукачевым карту, привезенную недавно Игнатовой. – Направление танкового удара немцев ожидается с юго-запада, вдоль дороги. – Клятченко указал стрелки на схеме.

– Немцы не дураки, чтобы в лоб атаковать нашу дивизию, – более спокойно возразил Лукачев. – Они постараются обойти нас с левого фланга.

– Но здесь сплошные болота, танки пройти не смогут, – Клятченко ткнул пальцем в схему.

– Где вы видите болота? – спросил Лукачев, широким движением руки указывая на расстилавшуюся перед нами зеленую долину, освещенную косыми лучами клонящегося к закату солнца. Кое-где на ней действительно, как маленькие голубые зеркала, проглядывали озера, окруженные низкорослым кустарником. Островки золотистых одуванчиков и каких-то белых цветов яркими пятнами выделялись на пушистом травяном ковре. Свежий ветерок, напоенный запахом трав и цветов, долетал до нас и бесцеремонно ерошил волосы, выбившиеся из-под пилотки. Конечно, перед нами было не болото! Тут была явно какая-то ошибка.

– Я сам расставляю орудия, – загремел Лукачев.

– Но ведь схема – это документ, подписанный начальником штаба дивизии! Кто дал нам право отменять ее? – не унимался Клятченко.

– Вот и согласуйте со штабом все изменения, – отмахнулся от него Лукачев.

– Дайте мне схему, я сам поеду с ней в штаб дивизии, – заявил Рябинин, который напряженно прислушивался к разговору командира дивизиона со своим начальником штаба. Забрав схему, он быстро ушел.

Лукачев обошел переднюю линию нашей обороны и выбрал место для каждого орудия. Офицеров своего дивизиона он распределил по одному на каждую огневую позицию, приказав неотлучно находиться на посту. Мне досталось первое орудие нашей батареи, чему я был, признаться, рад, так как у меня с командиром этого орудия сержантом Геворкяном и наводчиком Прохоровым за несколько месяцев совместной службы сложились не только хорошие отношения, но и полное взаимопонимание. Мы с полуслова понимали друг друга, а это особенно важно при стрельбе прямой наводкой. Первому орудью досталась самая крайняя позиция на левом фланге на небольшой высоте, кое-где поросшей кустарником. На той же высоте были установлены два пулемета и расположилось отделение автоматчиков.

Орудийный расчет занялся подготовкой площадки, а я вместе с Семеновым – схемой ориентиров. Времени было в обрез и, несмотря на все наши усилия, огневая позиция была подготовлена лишь к позднему вечеру. Тут подоспела батарейная походная кухня. После ужина я назначил дежурных, а остальным разрешил отдохнуть здесь же, на огневой площадке. Все было тихо и спокойно. Я облокотился на бруствер свежевырытого окопа. Где-то вдали за позициями противника догорала вечерняя заря, играя багровыми и пурпурными красками. Из-за темного леса выплыл и повис в прозрачном небе узкий серп месяца и небольшое сиреневое облачко застыло, словно зацепившись за его рог. Над долиной передо мной поднималась легкая дымка тумана, затеняя очертания далекого леса и гряды невысоких холмов. Оглушительно квакали лягушки и какая-то птица время от времени пронзительно кричала, видимо встревоженная близостью людей. Я завернулся в шинель, прислонился спиной к колесу пушки и, сидя, незаметно задремал. Во сне я о чем-то разговаривал с Зоей Седовой и она смотрела на меня ласково, а не насмешливо, как обычно. Меня разбудил взволнованный шепот дежурного наблюдателя:

– Товарищ лейтенант, похоже, танки идут!

Действительно, было слышно слабое лязганье гусениц, нарушавшее предутреннюю тишину. Я немедленно доложил об этом Лукачеву.

– Все по местам, – скомандовал он. – Подпускать танки километра на полтора, а там действуй по обстановке.

Скрежет идущих танков становился все более отчетливым. Начало светать и в дымке поднимавшегося тумана я увидел первый танк, мед ленно ползущий, казалось, прямо на наше орудие. Вскоре справа от него я увидел второй танк, а за ним в глубине долины еще несколько. Считать было некогда, но наверно их было десятка три. Расстояние танков до нашего орудия быстро сокращалось. Первые два танка уже подошли к высоте, на которой находился мой ориентир с отметкой 1400 метров. Левый танк на несколько секунд скрылся за высотой, а правый пошел в обход ее.

– Наводи на левый танк и бей ему под брюхо как только он покажется над высоткой, – приказал я Прохорову. Тот напряженно прильнул к панораме. Вот показалась верхняя часть танка. Неуклюже взбираясь на высотку, он на мгновение обнажил свое днище. В этот миг раздался выстрел, танк остановился и из него пошел дым. Второй танк послал несколько снарядов в сторону нашей позиции и отвернул вправо, где находилось наше второе орудие, также начавшее стрельбу. Воодушевленные первым успехом, мы выпустили несколько снарядов, целясь в бок танка, который, наконец, остановился и задымил.

– Танки слева! – отчаянно закричал Геворкян. Когда-то он был футболистом и по привычке держал под наблюдением все поле боя. Действительно, на нас надвигались, буксуя в сырой лощинке, два немецких танка. – “Откуда взялись они?” – недоуменно соображал я. Увлеченные стрельбой, мы их не заметили, и они успели подойти метров на двести к нашей пушке, собираясь, несомненно, ее уничтожить.

Быстро развернув орудие, мы ударили в лоб одному из танков. Мощный снаряд не пробил его броню, но заставил все же остановиться и замолчать. Непрерывно стреляя, второй танк шел прямо на нас. Неожиданно сполз со своего сиденья наводчик, раненый осколком. Я собрался было сесть на его место, но панорама оказалась разбитой. В расчете еще несколько человек были ранены: обернувшись на мгновение, я увидел возле пушки всего трех бойцов. Это были: веселый голубоглазый красавец замковый Петров, хладнокровный и расчетливый, уже пожилой, но физически очень сильный, эстонец Завт и с виду флегматичный, но на самом деле весьма расторопный, коренастый крепыш Кравченко. С тревогой и ожиданием они смотрели на меня.

– “Надежные ребята, стрелять еще можно”, – подумал я, ощущая кровную близость со своими бойцами и черпая в ней новые силы. Открыв затвор и поместив глаз приблизительно на оси канала ствола, я с помощью Кравченко и Завта кое-как навел орудие на выбравшееся из сырой низинки и наползающее на нашу высотку огнедышащее черное чудовище. Спустя мгновение, пушка была заряжена, и я дернул за спусковой шнур. Когда грохнул выстрел, танк был от нас уже метрах в сорока. От удара нашего снаряда он, казалось, подпрыгнул и стал заваливаться на бок. Не думая, я послал в него, не проверяя наводки, еще четыре снаряда.

Все затихло, атака танков была отбита. Оглушенный и почти обезумевший от невероятного напряжения, я опустился на дно окопа и прижался спиной к его сырой стенке.

– Жив, лейтенант? – спросил, подбегая ко мне Кравченко. Не ожидая ответа, он протянул мне кружку холодной воды. Лязгая зубами о края кружки, я начал жадно глотать, разбрызгивая воду.

На огневой площадке появилась санинструктор Зоя Седова. Должно быть, ей показалось, что я тяжело ранен, так как она побледнела и бросилась ко мне. Ощупав меня своими проворными руками, она успокоилась и сочувственно спросила:

– Жив, лейтенант?

Не получив ответа, но видя, что я все же жив, она добавила насмешливо:

– Какой же ты черный и грязный! Встань и умойся!

Зоя занялась перевязкой раненых, из которых двое, в том числе наводчик, были в тяжелом состоянии. Мне было неприятно, что она застала меня в таком неприглядном

виде. Зоя была моей тайной симпатией. Впрочем, красивая и бойкая девушка пользовалась и тайной и явной симпатией всей батареи, сама же она не показывала своей склонности ни к кому. Я последовал ее совету и немного привел себя в порядок.

На нашу сильно исковерканную площадку пришел Рябинин. В третий раз за последние пятнадцать минут я услышал вопрос:

– Жив, лейтенант?

На этот раз я уже смог в связной форме ответить утвердительно, что жив и даже не ранен, только оглушен порядком.

– Ничего, все пройдет, – ободрил меня Рябинин. Отойдя со мной в сторону, он многозначительно сказал мне:

– Я был в штабе дивизии. Младший лейтенант Игнатова привезла вчера нам подложную схему обороны!

Словно яркая вспышка озарила мое сознание. Все события последнего времени восстановились в памяти и расположились в стройную цепочку.

– Так вот почему уцелел наш НП при первом обстреле дальнобойной артиллерии! – закричал я, захлебываясь нервным смехом. – Верочка Игнатова в передаче своему шефу намеренно исказила координаты, чтобы спасти возлюбленного!

Рябинин усмехнулся:

– Невероятно, но факт. Никогда бы не поверил, что шпионка может из-за какого-то Белова обмануть своего шефа. Впрочем, что с нее взять: ведь если разобратся, то она еще девчонка. В какой-то момент не проявила твердости характера и оказалась завербованной. Кстати, никому ни слова об этом деле. Возможно, Верочка будет теперь работать на нас.

ОДИН ВЫСТРЕЛ

Лейтенант Крылов отбросил прядь волос, сползавшую ему на лоб, и прильнул к окулярам стереотрубы. От непривычного напряжения его молодое задорное лицо слегка покраснело. Наморщив лоб и сдвинув брови, он упорно пытался разглядеть кучку свежеврытой земли, по-видимому, новый окоп во вражеском расположении. На эту подозрительную точку было наведено перекрестие трубы.

– Ничего не вижу, – честно сознался он, спускаясь с небольшой площадки внутри окопа, которая была сооружена для удобства наблюдений. Он недовольно потер пальцем красную полосу на переносице – след от прикосновения к дужке трубы.

– Не огорчайся! Сейчас плохая видимость, с земли поднимаются потоки нагретого воздуха, – утешил я его. – Позже увидишь этот злосчастный окоп. Немцы отрыли его, вероятно, чтобы сливать нечистоты, а нам приходится писать во всех донесениях, что противник проводит новые земляные работы.

Лейтенант Крылов лишь накануне вечером прибыл в нашу батарею из штаба. Он возглавлял отдел художественной прозы в армейской газете. Поездка на передовую была первой за время его непродолжительной службы в армии и воспринималась им как впечатляющее событие фронтовой жизни.

Я получил заранее строгий инструктаж – показать молодому журналисту передовую, но так, чтобы не подвергать опасности его особу.

– Не давай соваться куда не следует этому представителю прессы, – озабоченно внушал мне командир дивизиона. – Корреспонденты шальной народ: всегда норовят лезть на рожон.

Ну, у нас сейчас тихо, сидим второй месяц в обороне. Ничего плохого не случится, – заверил я мнительного командира дивизиона.

Представитель прессы видимо не знал о дурных повадках, свойственных людям его профессии. Он не проявлял признаков зазнайства, которых я больше всего опасался, и не пытался лезть на рожон, как ожидал командир дивизиона. Это был темноглазый и чернобровый жизнерадостный парень. На его юношески свежих губах казалось прочно прижилась легкая улыбка.

– Зови меня Веня, – заявил он после первого знакомства, укладываясь спать в нашей землянке на нарах, покрытых сеном. Проговорив эту многозначущую фразу, он сразу заснул.

Утром я привел журналиста на НП батареи, который располагался в окопе, вырытом на небольшом бугорке. Веня в первый раз был в артиллерийской части и проявлял острый интерес ко всем мелочам нашей службы. Сознание, что впереди нейтральная земля, а за нею находится противник, воодушевляло его.

Жаркий августовский день набирал силу, но в глубоком окопе, в котором мы сидели, неторопливо переговариваясь, было свежо и прохладно. Сверху над нами на небрежно натянутой маскировочной сетке легкий ветерок шевелил пучки сухой тра-

вы, распространяющей горьковатый полынный запах. Было тихо, только где-то вдали отчетливо выстукивал пулемет.

– Товарищ лейтенант, вас вызывает командир батареи, – негромко позвал меня из дальнего угла окопа связист Воронов. Я подошел к полевому телефону.

– Как ваш баснописец, жив? – пошутил мой начальник капитан Калашников. – У меня к вам еще одно хлопотное поручение. На наш участок прибывает снайпер – сержант Степанюк. Нужно будет помочь ему выбрать позицию для наблюдений и стрельбы.

– Ну что же, – ответил я без большого энтузиазма. – Обойду передовую сразу с корреспондентом и снайпером.

– Ради бога, берегите корреспондента! – совсем не по-начальнически зарокотал своим баском в заключение разговора капитан. До прибытия в нашу часть он был преподавателем математики в педагогическом институте и у него иногда прорывались выражения, никак не соответствующие уставным требованиям и его высокой должности. Я как мог успокоил командира батареи.

– Будете стрелять? – бодро осведомился Веня, когда я вернулся к нему. Он молодецкато оправил ремень, обтягивавший новенькую гимнастерку. Веня уже знал, что во время артиллерийской стрельбы с наблюдательного пункта на батарею передаются команды для корректировки огня. Я информировал его, что стрельбы не будет, но зато мы будем осматривать передовую вместе со снайпером Степанюком, подоспевшим как раз вовремя, чтобы составить нам компанию.

– Так я же знаю снайпера Степанюка, – оживился Веня. – Месяца полтора назад я писал о нем репортаж для нашей газеты. Впечатляющая личность, должен тебе сказать! Пожилой невозмутимый сержант, с лицом, почерневшим от загара и пороха. А кулаки – как моя голова.

– Тем лучше, всегда приятно встретить на передовой старого знакомого.

Мы прошли на огневую позицию батареи, находившуюся в тылу, в двух километрах от НП. Бойцы занимались очередной чисткой орудий. Веня выбрал одного и начал его расспрашивать о жизни до войны, о службе, о семье, оставшейся в глубоком тылу. Попутно он делал беглые заметки в большом блокноте, извлеченном из блестящей кожаной сумки. Жертвой журналистского рвения Вени оказался наводчик Савельев, действительно личность незаурядная как по внешнему облику русского богатыря, так и по боевой биографии. Он находился в действующей армии с первых дней войны. Теперь, на третьем году войны, пройдя суровую школу поспешного отступления и нескольких кровопролитных боев, он мог бы, конечно, рассказать кое-что интересное. Однако от встречи с настоящим журналистом Савельев растерялся. По его крупномасштабному лицу обильно струился пот. Он вытирал его широкой ладонью со следами старой оружейной смазки, отчего по щекам пролегли черные полосы. Неожиданно для меня оказалось, что Савельев заикается. На вопросы Вени он отвечал большей частью стандартными «так точно» и «никак нет».

– Как тебе удалось так запугать нашего доблестного наводчика? – спросил я с укоризной у Вени.

Почувствовав мою поддержку, Савельев приободрился и начал рассказывать довольно связно о выдающихся эпизодах своей боевой биографии. Веня с блестящими глазами быстро строчил в блокноте.

Когда беседа закончилась, я спросил у Вени по каким признакам он нашел такой выдающийся объект для интервью.

– Интуиция, – невозмутимо ответил Венья, геройски расправляя плечи и горделиво поправляя кобуру пистолета. Весь его вид, казалось, говорил: «Я еще и не такое могу».

– Товарищ лейтенант, вас здесь спрашивают, – закричал мне командир одного из орудий.

– Пусть идут сюда, – ответил я, считая невежливым прерывать беседу с представителем прессы на самом интересном месте.

К нам подошла среднего роста худощавая девушка в форме сержанта. Приложив руку к пилотке, она четко отработала:

– Товарищ лейтенант! Сержант Степанюк прибыла в вашу батарею для выполнения задания командования.

– Так вы и есть тот снайпер Степанюк, о котором мне недавно звонили? – ответил я, лукаво поглядывая на Веню.

– Я встречал когда-то снайпера Степанюка. Может быть он ваш родственник? – ничуть не смутившись спросил Венья, обращаясь к девушке.

– Знаете, такой хладнокровный пожилой сержант, с лицом, почерневшим от загара и пороха, – подтрунил я.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Нет у меня таких родственников, должно быть однофамилец. А насчет лица, почерневшего от пороха, тут какое-то... недоразумение. Снайперы стреляют не так часто, чтобы можно было от этого почернеть. Вот мне для выполнения задания в вашей части нужен всего один выстрел.

Как бы в подтверждение своих слов она поправила свободной рукой ремень винтовки с оптическим прицелом, висевшей за ее плечом.

– И сколько у вас было удачных выстрелов, если считать по одному, – спросил я.

– Да уже более двадцати, – слегка усмехнувшись, ответила она.

Я с удивлением и уважением взглянул на девушку. В облике ее не было ничего примечательного и тем более героического. Несмотря на правильные черты лица ее нельзя было бы назвать красивой – очень уж бледной, хотя и сильно загорелой, была она. Светло-карие глаза, сильно выгоревшие под солнцем рыжеватые брови и золотистые гладкие волосы, выбивавшиеся из-под пилотки, создавали впечатление, будто при формировании ее внешности природа решила обойтись гаммой цветовых оттенков спелого ржаного поля. На вид ей было не более двадцати лет, но узкие плотно сжатые губы и общее выражение сосредоточенной замкнутости на лице заставляли предполагать, что она уже многое видела и испытала в своей короткой жизни.

– Меня зовут Венья, я из армейской газеты, – не ожидая посторонней помощи бойко отрекомендовался мой спутник.

– Галя, – коротко ответила девушка, подавая ему руку. Ее ничуть не смутило то, что перед ней был настоящий корреспондент.

Я также назвал себя и предложил молодому снайперу пройти в землянку, в которой размещались две наши женщины – медсестра, заменявшая фельдшера, и санинструктор. Я оставил у них Галю устраиваться на новом месте, а мы с Веней отправились обедать.

Началась наша работа на передовой. Мы несколько раз прошли вдоль расположения огневых точек, соединенных сплошной зигзагообразной линией ходов сообщения. Окопы были глубокие, так что можно было идти по ним в полный рост. Только на одном участке, где передовая пересекала сырую лошину, приходилось пробираться сильно согнувшись, тем более, что по этому участку непрерывно били пулеметы противника. Моей постоянной заботой стало держать Галя и Веню по дальше от беспокойного места.

Веня усердно записывал все разговоры с дежурившими на своих постах бойцами. Гале понравилась одна из ложных огневых площадок. На ней лежало несколько бревнышек, грубо имитировавших тело стрелка, замаскированное сухими ветками и травой. С этой площадки прямо перед собой ничего не было видно, да и не требовалось видеть. Однако Галя обнаружила, что под большим углом вправо хорошо просматривается на некотором протяжении внутренняя часть неприятельского хода сообщения. Расстояние до него было изрядное – метров восемьсот, но Галя это не смущало. С выбранного ею наблюдательного пункта Галя не раз видела, как по окопу проходят солдаты, но она не обращала на них внимания»

– Мое задание – подстрелить дичь более высокого ранга и была бы непростительной ошибкой обнаружить себя раньше времени, – пояснила как-то нам Галя. – По сведениям нашей разведки на наш участок фронта должен прибыть высокопоставленный офицер, может быть даже генерал. Ему конечно захочется показать свою храбрость – пройти по передовой. Здесь сейчас затишье и он сможет безбоязненно решиться на такой подвиг, чтобы потом хвастаться своим бесстрашием. Вот для него то я и берегу «один выстрел».

– Коварная женщина, – с восхищением пошутил Веня. Галя, кажется, нравилась ему более, чем следовало по уставу.

– Не женщина, а снайпер, выполняющий боевое задание, – отпаривала Галя.

Через два дня срок Вениной командировки истек. Он должен был вернуться в свою газету. Мы решили отметить расставание небольшой выпивкой. Собрались в землянке наших женщин. У них оказался запас спирта, который у медиков сначала «усыхает», а потом вдруг появляется на столе. Драгоценную жидкость разлили строго поровну – граммов по семьдесят на брата – в стаканы и кружки. Каждый добавлял воды по своему вкусу. Только Галя, не поморщившись, выпила неразбавленный спирт и запила его холодной водой. Обычно бледное лицо ее немного порозовело. Повеселев, она стала совсем красивой.

Веня неоднократно, но безуспешно пытался выведать у Гали подробности ее биографии. Теперь он решил, что настал благоприятный момент для возобновления атаки.

– Как ты стала снайпером, – спросил он безразличным тоном.

– В нашей семье все мужчины были охотниками, – просто ответила Галя. – Я часто ходила с отцом и братьями стрелять уток, и стреляла не плохо. Когда началась война, мне с мамой и бабушкой пришлось остаться на оккупированной территории. После прихода наших войск я записалась в школу снайперов и окончила ее досрочно.

– Тяжко было при немцах? – спросила медсестра.

– Все было: и голод, и унижения, и насилие.

Галя опустила глаза, лицо ее приняло обычное выражение сосредоточенной замкнутости.

«Видно много тебе пришлось перенести, девушка, если в девятнадцать лет ты хлещешь неразбавленный спирт не хуже старого гренадера», – подумал я.

Последующие несколько дней прошли без всяких происшествий. Галя настойчиво с утра до позднего вечера дежурила на своей площадке, ожидая благоприятного случая, который никак не подвертывался.

Однажды ночью нас подняли по тревоге. Выяснилось, что противник спешно отступает. Как сообщил мне капитан Калашников, на соседнем участке наши части провели успешное наступление. Рискую оказаться в окружении, немцы и здесь оказались вынужденными сняться с занимаемых ими позиций. Преследуя их, мы двинулись вперед. Продвигаться приходилось очень медленно, так как вся местность была заминирована. Несмотря на все меры предосторожности несколько наших машин и отдельных бойцов подорвались на минах.

Свежее ясное утро застало нашу батарею на окраине маленького поселка. Здесь оказались перемешанными несколько разных частей и пока выяснилось, кто за кем должен двигаться, все стояли на месте. Мы с Галей вышли за околицу на сильно разбитое шоссе, петлявшее между пожелтевшими полями. Неожиданно раздался голос Вени:

– Братцы, я тоже с вами!

В суматохе всеобщего передвижения его редакция оказалась впереди боевых частей. Мы прошли немного вдоль дороги, оживленно обмениваясь мнениями о неожиданном отступлении противника. Вдруг из-за поворота шоссе выскочил мотоцикл с коляской и начал быстро приближаться к нам, лавируя между воронками от мин и снарядов.

– Откуда здесь мотоцикл, впереди ведь наших частей нет? – вслух начал размышлять я. Какие-то неясные сомнения начали закрадываться в мое сознание. Я поднес бинокль к глазам и убедился, что в коляске мотоцикла сидит немецкий офицер. Вероятно, во время быстрого передвижения воинских частей произошла путаница и он полагал, что в поселке еще немецкие войска.

– Немцы! – закричал я.

Мотоцикл сбавил скорость: должно быть у офицера и водителя возникли подозрения относительно правильности их маршрута. Объехав воронку от снаряда, мотоцикл стал поворачивать назад. Теперь от нас до него было не более четырехсот метров.

– Неужели уйдут? Галя, попробуй подстрелить водителя, – скомандовал я.

Галя моментально сняла чехол с дула винтовки, встала на одно колено и прицелилась. Мотоцикл медленно разворачиваясь на узком участке неповрежденного шоссе повернулся к нам боком. В этот момент раздался выстрел. Вслед за тем мотоцикл потерял управление, заехал в кювет и завалился на бок.

Мы не раздумывая побежали к нашей добыче. Впереди мчался Венья. Легкими упругими скачками он быстро приближался к цели. На ходу Венья S вытащил из кобуры свой пистолет и размахивал им, крепко сжимая рукоятку. Выглядел он весьма воинственно. «Хорошо бежит», – подумал я, с трудом поспевая за ним. Полевая сумка на боку мешала мне. Я снял ее с плеча, замотав ремень на правую руку. Галя бежала за нами, держа в руке свою винтовку; она немного отстала.

Тем временем немецкий офицер выбрался из лежащего на боку мотоцикла, поднял фуражку, аккуратно почистил ее и надел на свою коротко остриженную голову. Выбравшись на шоссе, он встал лицом к нам и неторопливо достал из кобуры пистолет.

– Веня, берегись! – в ужасе закричал я. Но молодой журналист, как разгоряченный гончий пес, догоняющий свою жертву, ничего не слышал и не замечал нависшей над ним опасности. Он мчался прямо на дуло наведенного на него пистолета. Расстояние быстро сокращалось.

Сделав неимоверное усилие, я перегнал Веню и с размаху ударил своей сумкой по вытянутой руке немецкого офицера. Раздался выстрел, но рука, направлявшая пистолет в Бенину грудь, немного отклонилась вниз и пуля прошла через его ногу. Сильно толкнув немецкого офицера, я выхватил из его руки опасное оружие. В этот момент подоспела Галя со своей винтовкой, которую она грозно направила на противника.

От хладнокровия немецкого офицера не осталось и следа. Его слегка обрюзгшее холеное лицо с крупным горбатым носом и величественными бакенбардами мгновенно посерело. Он поднял руки и дрожащим голосом, но вполне внятно произнес:

– Вы не имеет право меня стрелять! Их бин военнопленный.

– Стой здесь, военнопленный, и не шевелись, – приказал я, поставив немца спиной к нам.

Галя достала свой индивидуальный пакет и мы быстро перевязали раненую ногу Вени. Он сильно побледнел от быстрой смены переживаний, но держался молодцом. Во время операции он даже хорохорился немного, хотя ему несомненно было не до шуток.

Затем мы вытащили мотоцикл из канавы и усадили Веню в коляску.

Взгляд мой упал на раненого водителя, который пытался вылезти на дорогу. Я хотел помочь ему, но неосторожно взялся не за ту руку. Он громко закричал от боли: у него было прострелено плечо. Это был маленький и шуплый, но розовощекий парень с ясными голубыми глазами. На вид ему было не больше семнадцати лет. Он смотрел на нас с ужасом, по-видимому, ожидая, что его пристрелят.

– Помоги мне, – попросил я Галю.

– Вот еще! Пускай подышает, – небрежно ответила она. Губы ее плотно сжались, а брови сдвинулись к переносице.

Мне некогда было, да и не хотелось ее убеждать: мне были ясны все движения ее обожженного войною сердца. Я осторожно вытянул водителя на обочину дороги, стараясь не касаться раненого плеча. С трудом мне удалось снять с него окровавленную форму и рубашку. Я достал из сумки индивидуальный пакет, намереваясь перевязать раненого. Галя подошла поближе, внимательно присматриваясь к обнажившейся ране, из которой пульсируя бежала кровь.

– Мне бы немного пониже взять, – медленно произнесла она, с профессиональным интересом рассматривая свою последнюю мишень. Взгляд ее скользнул по лицу раненого паренька, беспомощно и доверчиво смотревшего на нее. Какой-то сложный душевный процесс отразился на ее замкнутом лице: выражение его неожиданно переменилось. Нестройная суровой девушке добрая улыбка робко пробежала по ее тонким губам.

Дай сюда, – скомандовала она, отбирая у меня перевязочный бинт, с которым я никак не мог справиться. Ловко забинтовав плечо водителя, Галя помогла мне усадить его в седло мотоцикла.

– Ну гуляй, парень! – напутствовала она его иронически.

Мы тронулись. Впереди шагал немецкий офицер, за ним мы с Галей катили мотоцикл с двумя ранеными. Навстречу нам уже бежали наши бойцы.

После описанного эпизода, который едва не окончился трагически, Веня попал в госпиталь, а Галя вернулась в свою часть. Мне не довелось больше встретиться с ними: война разбросала нас в разные стороны и я не знаю, какая судьба выпала на их долю. Но я часто вспоминаю по-юношески непосредственного «представителя прессы» и строго расчетливого снайпера Галю Степанюк.

№ 02948
28.11.44

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество **Суцунинский Михаил Михайлович**
2. Звание **лейтенант**
3. Должность, часть. **Командир взвода управления арт. дивизии 526 Отдельного Булгарского Артиллерийского батальона**
4. **Представляется к правительственной награде орденом Красной Звезды**
5. **Дата представления 1912**
6. **Национальность русский**
7. **Служит ли в настоящее время в рядах Советской Армии**
8. **Участие в гражданских войнах, последующих войнах, боевых действиях по защите СССР и отечественных войн (где, когда). В гражданской войне и последующих войнах, боевых действиях по защите СССР - не участвовал; в Отечественной войне с 10.8.1943г. по 10.10.1943г. - Калининский фронт, с 10.10.1943г. - 2-й Прибалтийский фронт.**
9. **Участие в боях и контратаках в Отечественной войне - ранений и контузов не имеет**
10. **С какого времени в Красной Армии с 1 июля 1941г. 10. Раннее звание призван. Пушкинский район Московской области.**
11. **Земли ранее награжден (за какой отлучки) - награды не имеет**
12. **Обстоятельства представления к награждению и адрес его семьи.**

1. **Храбрость, конкретные изложения деяний боевого подвига или заслуг.**

Участие в боях с немецкими захватчиками с июля месяца 1943 года, неоднократно проявлял мужество и отвагу. Целенаправленно командир взвода управления арт. дивизии 526 Отдельного Булгарского Артиллерийского батальона в наступательных и оборонительных боях с июля 1944 года, тов. Суцунинский Михаил Михайлович умело и четко организовал работу разведки и связи в дивизионе.

4.9.1944 года, находясь на наблюдательном пункте, своевременно обнаружил скопление немецкой противотанковой артиллерии в районе м.з. Дзержинского Магнитного узла Лептовской ССР и, вызвав огонь дивизиона, рассеял и уничтожил танки противника, тем обеспечил успешное продвижение 2-й атаке противника на высоту восточной Лептовской ССР.

16 и 17.9.1944 года в наступательных боях, на высоте на сильнейшей артиллерийской и минометной огневой позиции противника, организовал точную и бесперебойную работу связи и взаимодействие артиллерии дивизиона с передовой, тем обеспечил ведение огня дивизионом, уничтожив 4-й контратаке противника в районе деревни Свободы, занятой восточной 134-й и деревни Свободы Магнитного узла Лептовской ССР.

20.10.1944 года умело организовал работу разведки и связи в дивизионе, тем обеспечил своевременное обнаружение и уничтожение огневых дивизиона 3-й пулеметной, 30-й минометной и 8-й минометной батареи и подвижного 4-х выстрелов противника, что обеспечило продвижение нашей передовой и занятой станций линии Блатовского узла Лептовской ССР.

Обаврив Суцунинский Михаил Михайлович достоин правительственной награды ордена **Красной Звезды**

Командир 526 арт. дивизии
майор
ев. с. лейтенант

Хачатурян
Коза
Хачатурян
Хачатурян

II Заключенные в плен стоящие начальников.

Достоин правительственной награды ордена "Красная Звезда"

Командующий Артиллерией 118 ар

17 ноября " 1944 года (Скоковник)

1. Розенберг

Достоин правительственной награды ордена "Красная Звезда"

Командант 118 ар

27 ноября " 1944 года (Скоковник)

1. Гордеев

III Заключенные Военного Совета Армии

Командующий Армией

Член Военного Совета

Начальник штаба

" " " 1944 года

IV Заключенные Военного Совета дивизии (округа)

Командующий

Член Военного Совета

" " " 1944 года

V Заключенные материнской Комиссии НКВД

Награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"
Приказ артиллерии 22 армии № 0671 от 23.2.45 г.

СТ. ПОСЛАЕВ ОН. ВЛАДИСЛАВОВИЧ
КАПИТАН-СОУЗЕР (ВОИНАРЬ)

" " " 1944 года

Отмечено в наградном.

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество **Сушинский Михаил Михайлович**
2. Звание **лейтенант** 3. Должность, часть **Командир взвода управления Арт.дивизиона 526 Отдельного Пулеметно-Артиллерийского батальона**
4. Год рождения **1912** 5. Национальность **русский** 6. Партийность **чл.ВКП(б) с 1943 года**
7. Участие в гражданской войне и последующих боевых действий по защите СССР и отечественной войне (где, когда). **В гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР – не участвовал; в отечественной войне с 10.07.1943 г. по 10.10.1943 года – Калининский фронт, с 10.10.1943 года – 2ой Прибалтийский фронт.**
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне – **ранений и контузий не имеет.**
9. С какого времени в Красной Армии с **1 июля 1941 года.** Каким РВК призван. **Пушкинским РВК Московской области.**
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) – **наград не имеет**
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи.

1 Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Участвуя в борьбе с немецкими захватчиками с июля месяца 1943 года, неоднократно проявлял мужество и отвагу. Исполняя должность командира взвода управления дивизиона в наступательных и оборонительных боях с июля 1944 года, тов. Сушинский Михаил Михайлович умело и четко организовал работу разведки и связи в дивизторне.

4.9.1944 года, находясь на наблюдательном пункте, своевременно обнаружил накопление пехоты противника в районе мз. Дзелзава Мадонского уезда Латвийской ССР и, вызвав огонь дивизиона, рассеял и частично уничтожил до роты пехоты, чем обеспечил отражение 2х атак противника на высоту с отметкой 124.4.

16 и 17.9.1944 года в наступательных боях, не смотря на сильный артиллерийский и минометный огонь противника, организовал четкую и бесперебойную работу связи и взаимодействие артдивизиона с пехотой, чем обеспечил ведение огня дивизиона, отражение 4х контратак противника в районе деревни Салыни, занятие высоты 134.2 и деревни Следенес Мадонского уезда Латвийской ССР.

20.10.1944 года умело организовал работу разведки и связи в дивизионе, чем обеспечил своевременное обнаружение и уничтожение огнем дивизиона 3х пулеметов 50 м/м пушки и 81 м/м минометной батареи и подавление 4х огневых точек противника, что обеспечило продвижение нашей пехоты и занятие станции Апшупе Елгавского уезда Латвийской ССР.

Товарищ Сушинский Михаил Михайлович достоин правительственной награды ордена Красная Звезда

Командир 526 ОПАБ

Майор

/Кочеров/

Командир дивизиона

гв.ст.лейтенант

/Клятченко/

II Заключение вышестоящих начальников

Достоин правительственной награды ордена «Красная Звезда»

Командующий Артиллерией 118 УР

«26» «ноября» 1944 года

Полковник

/Розенберг/

Достоин правительственной награды ордена «Красная Звезда»

Командант 118 УР

«27» «ноября» 1944 года

Полковник

/Порфирьев/

III Заключение Военного Совета Армии

Командующий Армией

Член Военного Совета

Начальник штаба

« » «

» 194 года

IV Заключение Военного Совета фронта (округа)

Командующий

Член Военного Совета

Начальник штаба

« » « » 194 года

V Заключение Наградной комиссии НКО

Председатель

Награжден орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Приказ артиллерии 22 армии №06/Н от 23.2.45 г.

СТ ПОМ НАЧ ОК УКАРТ 22 АРМИИ

КАПИТАН

/БОНДАРЬ/

« » « » 194 года

Отметка о награждении

Секретно
Экз. №.....

П Р И К А З
А Р Т И Л Л Е Р И И 22 А Р М И И
(По награждению)

"23" февраля 1945 года №..... 06/Н Действующая армия.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество

Н А Г Р А Ж Д А Ю :

Орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

39. Лейтенанта СУШИНСКОГО **Командира взвода артиллерийского дивизиона 118 Укрепленного района.**
Михаила Михайловича

КОМАНДУЮЩИЙ АРТИЛЛЕРИЕЙ 22 АРМИИ
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ МАЙОР АРТИЛЛЕРИИ
(БОЧЕЛОВ)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА АРТИЛЛЕРИИ АРМИИ
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК
(ПОНТУС)

Отп. 4 экз.
Экз. №1-2-ОК 22 А.
Экз. №3-ОК УКА 2 ПО.
Экз. №4-в дело
Исп. Бондарь.
27.2.45 г.ки.

Подписано в печать 09.04.2015 г.
Формат 70х100/16. Заказ №15. Тираж 300 экз. П.л 3,75.
Отпечатано в РИИС ФИАН с оригинал-макета заказчика
119991 Москва, Ленинский проспект, 53. Тел. 499 783 3640